

Юрий Поляков

ВЯЗЬ

*Светлой
непрерывающейся
памяти
жены и друга
Файны Ивановны*

ПУНКТИРЫ

Не ведаю, знала ли моя мать, Анастасия Ивановна, в девичестве Долягина, что в апреле рождаются не совсем обычные дети. Как бы там ни было, в 1935 году 28 апреля в день Пасхи я громко возвестил, чтобы на земле потеснились—явился я. Всю жизнь буду благодарен родительнице за этот день и еще за то, что не нарекли меня, слава Богу, ни Гервасием, ни Афонасием.

Семья наша крестьянская. Все время жили в деревне Лобановка Глазуновского района Орловской области. Помню деда и прадеда, бабушку и прабабушку. Трудяги были невероятные. Приучили к этому и нас, внуков. Лет в 11-12 я уже пахал на волах, в 14 косил с мужиками в лугах.

В бывшем поповском доме (в нем была школа) окончил семилетку. Не терпел математику, хотя женой впоследствии стала математик.

Затем, со скандалом вырвавшись из колхоза, работал на шахте под Тулой, окончив перед этим горнопромышленное училище. В 60-м приехал на целину. Пахал недолго (напахался). Связал себя с журналистикой, для чего четыре года набирался ума в Алма-Атинской ВПШ.

Стихи стал пописывать давно, серьезно—здесь, на целине. Вышли кое-какие книжки. Много перевожу с разных языков, особенно интенсивно—с украинского. Если все переводы собрать, томов будет больше, чем у Ленина.

Чувствую, что поэтический порох догорает—это возрастное. Втягиваюсь в прозу. Что напишется—покажет время.

Пролог

Жизнь к горизонту тянет след
Сквозь голубое,
Сквозь оплеухи, слезы, смех
И сердца сбои.
Твои ж обычны кулаки
И щит твой жидок.
Так, значит, проще и с руки
Все—лишь для вида.
Для вида—что-то проклинать
Или кого-то,
Быть филантропом, восставать,
Скорбеть, работать...
О бытие, ты—битие
Под дых и в сопли.
Мы в малодушии своем
С того утопли?..
Я ненавижу полнакал
И фальшь во взгляде,
Нырять, не бит пока,
За спину дяди.
Я не скажу, кликушам лъстя,
Под шелест сада,
Что в этом мире правда вся—
Газета «Правда»,
Что каждый день, как бубен пуст
И нет отрады,
Что есть отчаянье и грусть
И тропы ада.
Да зацвети такая гадь
В душе убого,
Тогда не лучше ль все начать...
Да, с эпилога?
Нет, к черту, к черту эпилог!
И ради Бога!
Я жизни собственной клубок
Взял для пролога.

Утром, когда
непрокуранным нюхом
Я воздух цежу,
как на старте борзой,
пахнет Земля
гранозаном с сивухой,
но все-таки больше —
всемирной грозой.

□

Скульптор В. Мухина дважды ошиблась,
Когда в лицемерно-кровавых тридцатых
Для ВДНХ отвлеченно и бабу,
И мужика с молотком изваяла.
Во-первых, прообразом жницы колхозной
Могла б моя мать послужить превосходно.
Ну, а мужчины—кузнец деревенский
Глухой совершенно Григорий Макаров.
Вторая ошибка—конечно же, поза.
Зачем их вздывать было надо на цырла?
Ведь проще бы было у вороха свеклы
В залатанной трижды фуфайке вонючей
Мать поместить мою. Рядом сутуло
Над наковальней стоял бы кузнец наш.
Тогда б от фигур реализмом дохнуло:
Чтобы «до мух» полгектара осилить,
Мать корнеплоды обрыдлые чистит,
Возле бурта оставляя на поле
Слезы, а с ними остатки здоровья.
Чистит, торопится мать, а во взгляде,
Ранним вдовством обесцвеченном, кстати,
Тлеет надежда: должны ж при расчете
Пуда четыре хоть ржи-то подбросить!
Ну и кузнец. К наковальне горохом
Падает мат, но совсем не удары.
Нету металла, а делай хоть тресни.
Вот почему его рот в матерщине.
Нет, не вспылала В. Мухина, скульптор,
Этой идеей, а тем соцзаказом.
И думаю я: не с того ли фигуры
Давней скульптуры ужасно фальшивы?

Первый снег

Снежинок робких стай,
Толкаясь и шурша,
На шар земной слетали
Все утро неспеша.
И вот уже окрестность
Сменилась—не узнать.
На всех путях на крестных
Белеет благодать.
Заснежена отава,

Заснежено жпивье.
Мальчишечья орава
Затеяла свое:
В снежки идет сраженье
На улицах села.
В метелистом круженье
Веселые дела!
И только взгляд двухмерный
Отметить вдруг спешит:
Зимы он, выдох первый,
Природу не страшит.
Вон, встретив праздник снежный,
У чьих-то у ворот
В желтеющей надежде
Календула цветет,
И, может, не напрасно
У осени в долгу
Отчаянные астры
Пылают на снегу.
(глава из поэмы)

Трудная нива

Двадцатая осень
степной эпопеи,
пришла ты
не лаврами
бодро шурша.
Пришла ты до срока
крутым снеговеем,
стенаньем
озерного
камьша.
Угрюмые сутки.
Раскисли дороги.
Дождливое небо
мрачнее, чем склеп.
И в душах у всех
позывные тревоги:
Хлеб!
Хлеб!
Хлеб!
А он золотой
и доставшийся трудно,
прибитый к земле
грузом бешеных сил,

ладошки колосьев
протягивал к людям,
и слышалось в коле
сквозь ветер:
«Спаси!».

И те, кто из юношей
стали мужами,
кто цену земному
познал бытию,
до света к комбайнам
в поля уезжали
вершить свое дело
и славу свою.
Сила от хлеба—
гласит поговорка.
Каждый ее
до конца понимал.
И стылые руки
по суткам упорно
держали холодный
тяжелый штурвал.
Любая победа
как следствие боя
с природой, с подонком,
с самим ли собой.
И если трудна она—
ценится втрое
дороже
и втрое
почетнее бой.
Друзья по судьбе,
по земле,
по заботам,
вам трудный экзамен
сдавать довелось.
Вы сдали его.
Огневая работа
был он, а не просто
авось да небось.
За ваше упорство,
бесценные души,
когда б не обижен
талантом был я,
я вас бы в граните
и мраморе лучшем—
пусть жизнь бы трудился—
но все ж изваял.

□

Все упрощается к концу,
Все упрощается.
И все к усталому лицу
Вдруг возвращается.
И ты, как в зеркало, глядишь
В свое минувшее.
Что было — в жизнь не обозришь,
Сейчас — минутное.
Ты вопрошаешь сам себя
В простом наитии
О неповторности скорбя:
«А было ль житие?»
Да было, было же, чудак!
Не надо выруга.
Пускай ты жил совсем не так,
Как надо было бы,
Но вон маячит среди снегов
Гаррильным сборищем
Толпа твоих былых врагов,
Спецов побойца.
А рядом ратью во сто крат
Сильнее вражеской
Твои друзья, сплотясь, стоят,
Их сила скажется!
Так надо ль с грустью вопрошать
Себя в наитии
Года с истока вороша:
«А было ль житие?»
Ах, если б не было его,
А было мизером,
Тогда к лицу бы ничего
И не приблизилось.

□

Не пишите к стихам заголовков,
Заголовки, поверьте, пустяк —
И без них сокровенное слово
Мир поймет, хоть и с детства дурак.

Станция Еиянка

Т. БАЗАРОВОЙ, художнику

Все тревожа на версту окрест,
Сквозь разлив осеннего пожара,

Под колес неслаженный оркестр
Поезд шел, отплевываясь паром,
За окном струились провода,
Небо билось, стиснутое в рамку.
Вдруг мелькнула—чья она звезда?—
Станция уральская Биянка,
Помню: горсть домов у полотна,
Ель вдаль на крутизну залезла,
И девчонка—до тоски одна!—
С поднятым флажком у переезда.
Ничего я не оставил там,
Ни любви, ни матери, ни детства,
Но лишь те припомнятся места,
И от боли никуда не деться.
Что-то тихо в сердце зазвенит,
Будто кашки среди шольской сини,
И всего тебя заполонит
Неземное песенное имя,
Сколько лет я не могу понять,
Чем оно меня околдовало.
Вот сегодня вспомнилось опять...
..А с тобой такого не бывало?

□

То письменно плачут, то устно
(Поступки почти, как грехи),
Что будто бы тяжко искусство
Романы писать и стихи.
Не надо рыдать, бедолаги,
Убавьте надуманный шум,
Давайте перо и бумагу
И я вам шедевр напишу.
Все это не будет усилий
Мне стоять, народец лихой.
Вы речи-то суть уловили?
Вот, вот, тяжелей—за сохой.

└

Все обильней с каждым утром росы,
С каждым утром травы все синей.
Ветры шорох над полями носят,
О предзимнем напевая сне.
На ботве картофельной—ни цвета,
Багрецом осинники чадят.
Слушают сквозящие рассветы
Камыши, что утками галдят.

Не галдеж ли услышав, все чаще
Я, в ружейный заглянув зрачок,
Открываю с радостью щемящей
С пропыленным скарбом сундучок?
Протираю тряпочкой патроны...
Протираю... ну и что с того?
Я же знаю, в срок тот разрешенный
Не убью ни утки. Ничего.
Впрочем, нет, во время врежу метко
И престижа ради своего
(Черт побрал бы зуд далеких предков!)
Расскажу вам мало ли чего...

□

Когда ошалеею от быта
И станет несносной любовь,
Настроит на бегство открыто
Меня несуразица слов.
Я ночью почти фосфоричной,
Неясной тоской оглушен,
Плацкартный куплю безразлично
И сяду в последний вагон.
Ну что ты там мешкаешь, парень?
Давай же скорее свисток!
Пусть поезд наш даль протаранит
И с лязгом летит на восток.
Копируя все повороты,
Он вьется подобьем змеи.
Я чую, как мрут с неохотой
Обиды и беды мои.
И я, как блокнота страницы
С ненужною синькою строк
Бросаю в провал, где струится
Заезженных рельс холодок,
Отчаянье, смуту, сомненья
Затем, чтоб скорее пришло
Невиданных чувств воскрешенье
И трех опляняющих слов,
Затем, чтоб завыла безлико
Былая сумятица слов
И стала желанной до крика
Несносная наша любовь.

□

Как таинственна округа!
Ржанье конское над лугом

будто из веков.
Тополей и кленов кроны
над землею удивленно
виснут и легко.
Грохот дальнего состава
«на попа» рассвет поставил—
он стоит, кренясь.
Стихнет поезд, станет слышно,
как подсолнух к тыну вышел—
листья прозвенят.
Что случилось? Отчего вдруг
одолели даль и округ
чары и обман?
Все в порядке. Просто это
затопил перед рассветом
степь мою туман.

L

И тут вдруг станет во главу угла
то, что вчера еще ничтожным было.

Е. ВИНОКУРОВ

О, как мы расточительно—просты
С тобою были в молодые годы!
Мы наши дни сжигали, как мосты,
Не признавали никакие броды.
Мы брали жизнь, как на лигу берут
Душистое в охапку сено.
Мы почитали за душевный труд
Переживать случайные измены.
О, как бывал нам сладок тот грабеж,
Как грабить жизнь нам было интересно!
Но сколько мы не ставили во грош
Всего, что так просилось в нашу песню!
И вот теперь... да что ж оно теперь?
Как горе жгут пустышные измены
И от погодных иль иных потерь
В лугах июньского не видно сена.
Как незаметно, тихо, исподволь
Для нас в цене все подскочило втрое!
...Лежу в траве, как изгнанный король,
А по соседству видится такое!
Сто тыщ чудес. Ну вот клубники куст,
Какой окрас вокруг прожилок синих!
Такой, пожалуй, под сентябрьский свист
Едва ль увидишь даже на осине.

Вот клоп лесной, Граненую броню
Возносит он старательно по стеблю...
Ну так давай же золотому дню
Мы скажем: «Все живущее приемлю».
Приятель мой, давай не будем ныть,
Что все ушло, осталась только старость,—
Ведь нам осталось столько долюбить,
Дозащитить и допонять осталось!

Ливень

Одолеп июньский зной,
Все вокруг устало.
За лесною за грядой
Небо бормотало.
Бормотало день и два
Глухо и картаво,
А на третий синева
Поползла по травам.
Поползла по небесам
С белым вперемешку.
Загудел на голоса
Гром вдали поспешно.
И как будто утвердить,
Что начнется буча,
Сверху так пустилось лить,
Что твой Терек с кручи.
Сверк и грохот, шум и плеск,
Луж кипящих пятна...
Был не ливень, а оркестр,
Каждому понятный.
Как лупил он, дождик-джаз,
За весь год—ударно.
Степь как будто в первый раз
Мокла благодарно.
Затаив счастливый стон,
Влагой наливалась
И цветами ста имен
Небу улабалась.

□

В наветах весь, как в шелухе подсолнечной.
Иду сквозь вас, нетрезвых и глухих.
За мною стелется то муторно, то солнечно
Нелегкий мой, но неподкупный стих.
Еще немножко и наветы олухов

С меня осыпятся, как пепел, прах,
У вас же будет шелуха подсолнухов
Все так же мерзко виснуть на губах.

Стихи белые

Ни вблизи и ни вдали
(Словно вид под зонтом)
Нету неба, нет земли
Ну и горизонта.
Все залил молочный цвет,
Белым все пометил.
Снег—и кроме вроде нет
Ничего на свете.
К-700 на всех парах
Режет наст свирепо,
Только все-таки в полях
Как сейчас нелеп он!
О, как призрачны и юн,
И вдали ракитник.
Льется тихо белый звон
С белым полднем в ритме,
Вот аукнулась душа
С этим перезвоном
И не вдруг, а неспеша
По своим законам
Замерцала горячо
Нежная, шальная
Возле сердца песнь. О чем?
Я и сам не знаю.

Стихи скептические

Модернизируем поэзию,
Неимоверно усложняем,
То в строчку вдруг искрошим лезвие,
То ахинеи напихаем.
Давно пресыщенные опытом,
Перед иным теряясь веком,
Пером скребем как бы для работ,
Но только не для человека.
А мне все кажется: количество
Пусть даже циников удвоится,
Опустошенного величества
Громилы пусть семья утроится,
Я верю, песенка та выстоит,

В которой простенькое скажется,
Такое, знаете, ну самое
Заветное и человеческое,
Как спетое когда-то мамой,
Что было, есть и будет—вечное.

Стихи печальные

Алдан-Семенов, Смеляков, Жигулин...
Считать устанешь—неповинных взвод.
И если вас и миновали пули,
То ведь другое не пошло в обход.
Певцов российских проклятую участь
Вы из обрыдлых лагерных бачков
Гремучей кружкой выпили как случай
И не рысили по судьбе бочком.
Вы все прошли, больные стиснув зубы,
Но во сто крат, чем мужество и честь,
Нас восхищает спетая не грубо
России-маме синеглазой песнь.
И как же надо было безоглядно
В народ свой верить и себя спасти,
Чтоб сквозь нетрезво-злую безотрадность
Кристалльной строчку все же пронести!
Мир вечный вам, ушедшие до срока,
Мир вам, поющим обновленность ден.
Ваш тихий подвиг видится далеко,
Он в сердце нам навечно занесен.

Стихи цветные

На лугу зеленом
Красные коровы,
Солнце раскалено,
Им под стать—багрово.
Облака кудлато
Синью проплывают,
Будто кто-то вату
По ветру пускает.
День идет к исходу.
Клонится к закату,
К дальним огородам,
К нивам желтоватым.
Далеко над лесом,
Над ишимской кручей
Темнофиолетово

Затолпились тучи.
Значит, очень мало
Жить осталось зною—
Небо, как обвалом,
Загремит грозюю.
Значит, ночь тревогой
Загудит невольню,
Будет долго-долго
Белою от молний.

□

Благодать!
Прогнали стадо,
отстрялась пыль.
На куртине возле сада
светится ковыль.
Вот еще совсем немного
и тогда, тогда
за домами над дорогой
включится звезда,
замерцает, засинеет
в венчике лучей,
станут чище и слышнее
скрипы дергачей.
А пока что день ничейно
тлеет, как хвоя.
Хороша ты в час вечерний,
Родина моя!
Я сижусь, загнав в роевню
глупый рой забот.
В сердце, смутная, как древность,
прожитость плывет
(Так весною наполняет
древесину сок).
И неожиданно зацветает
песни василек.
Ах, о чем? Да дело ль в этом
Что к чему — решим.
Знаю только, будет спето
Что-то от души.

□

«Будут перемены на Руси,
Надо продержаться лишь полгода»,
Бают кинодралы, закусив,

Баюг повелители народа.
«Будут, будут»,—говорим и мы,
Но одну мы видим перемену:
От погоста до худой сумы
Сократится время непременно.

□

Я люблю деревенских поэтов,
Очень странный, скажу вам, народ,
Между тем и зимою, и летом
Из ничто у них стих не растет.
Он растет из картофельных грядок,
Из распутиц весенних и гроз,
Из июльского страшного града,
Из холодных предутренних рос,
Из туманов он всходит и, немо
Зеленея своей простотой,
Человека душевную номочь
Неподдельной врачует листвою.
Ну а самое странное—сверся—
В оглавление рифмованных слов
Они ставят не что-то, а сердце
И уж в самом конце—ремесло.

□

...И вот я газет получаю орду,
В них снова — «Чернобыля эхо».
В тоске не по строчкам—по плитам бреду,
Раскиданным выбросом века.
А в окна июль барабанит држдем,
Я лирик, душой не недужен,
Но что-то не хочется с детством вдвоем
Носиться, дурачась, по лужам.

□

Отбесилась, отплясалась вьюга,
Отстонали в темень провода.
И лежит усталая округа,
Раскидав сугробов невода.
Не спеши ни конный и ни пеший,
Сгинуть в поле—стопроцентный риск.
В небесах, классически подвешен,
Льет тревогу лунный полудиск.
Тишина—с кладбищенскою схожа,
Лишь вдали когтистый перещелк—
То в деревню дальнюю, похоже,

Держит путь оголодавший волк.
Только все в деревне на запорах,
Из-за каждой хаты выстрел жди...
Тризну справит он, видать, не скоро
Этой ночи долгой посреди.

Мимо кладбища

В поздний час возвращаясь с охоты,
Я трусливо не делаю крик,
А всегда к кособоким воротам
Подхожу. И сажусь. И курю.
За оградой шумит чернобыльник,
Беспрестанно надгробья скрипят
Да акации в тьмище чернильной
Пересохло стручками гремят.
Но среди какафонии звуков
Все мне кажется (в дыбь волоса!),
Не кресты в ночь воздеты, а руки
И не ветер гудит—голоса.
И один среди них окаянный
Переходит едва ли не в крик,
И вопросов ордой постоянных
Меня мучит: «Послушай, мужик,
Что творится, скажи без туфты нам,
Там у вас на втором этаже?
Также яблоки зреют за тыном?
Вы, поди, в коммунизме уже?
Сам-то как ты живешь, не бесцельно?
А поешь? На манер соловья?
Знаешь цену всему и бесценность?
Или только жратвы и тряпья?
Есть у нас тут в подземной артели,
Что любили поесть да поспать,
Как теперь они локти б хотели
Укусить! Да локтей не достать.
Что они? Да и мы б не в застолье,
Толщъ земную когда бы пробить,
Жизнь свою и умней, и достойней
Так хотели бы вновь пережить!
Мы ведь жили и плоско, и мутно,
Мы не чтили вообще интеллект,
И крестов окромя потому-то
На земле о нас памяти нет...».
Я встаю, я окурок бросаю
За плечо. Поправляю ремни

И тревожно и долго шагаю
На призывные хаток огни.

Вязь

1.

Когда в душе бесчинствует метель
И нигуда от холода не деться,
Сшибайте дверь, разворошив постель,
К чужому сердцу уходите греться,
А, впрочем, можно лютя пересидеть,
Дождавшись льдов апрельского движенья,
Но кто тогда вам не предскажет смерть
Или тяжелый вид обмороженья?

2.

Воспитанный работой и нуждой,
Всю жизнь друживший крепко с неудачей,
Бесцветных будней дьявольский содом
Я по себе хотел переиначить.
Но вышло все совсем, совсем не так...
Я путь других и собственный предвижу.
Как хорошо, что вовремя, чудак,
Твоя наивность получила грыжку!

3.

Я женщину замужнюю любил.
Она без фальши умной и комеди
Сказала как-то, плечи мне обвив:
«Ты огонек мой на пути последний...»
Каким бы ни был я в душе юнцом,
И я приду к заре своей сединой,
Но кто она, кто станет пред концом
Моей последней песней лебединой?

4.

Вы наблюдали, как горят дрова?
Как жилы при подъеме непосильном,
Печи квадратный осветив оскал,
Трещат и рвутся пряди древесины...
Вот так и в нас когда-нибудь сдадут
Канаты, нас связующие с жизнью,
И прах наш в землю дождики вобьют,
На травах вскаплив голубые брызги.

5.

Давно я знаю что и что, и что,
И суесловить, видимо, не стоит.

Я в женщин наших облике простом
Всегда видал и почитал святое.
Да вон, смотри... ах, как она идет!
Да это рать чумная ж Чингиз-хана!..
Пусть кровь остынет, сердце ответет,
Но женщин чтить, любя, не перестану!

6.

О, чем я раньше только не умел
Самозабвенно, слепо увлекаться!
Но, видно, есть и этому предел—
Все постепенно стало отдаляться.
Все отошло одно по одному,
Не заменив отринувшего новым.
Так вот оно ревниво почему
Люблю тебя, несказанное слово!

7.

Я к плаванию стремился не ахти,
И помнится, сосед мой, Лешка Карев,
Орал мне с берега: «Ты зад-то опусти,
Так никогда пловцом не станешь, парень...»
Смешно... Но в жизни делаю дела,
Прилежно в непонятное вгрызаясь,
Я тот урок давнишний у пруда
Других уроков чаще вспоминаю.

8.

У всех свои имеются враги.
Они постыдно, с заячьей отвагой,
Из желтых дней и полуночной мги
За каждым нашим фэбээрят шагом.
Они, наверно, есть и у меня..
Но я лишь тем от смертных отличаюсь,
Что упоенно строчкою звеня,
Своих врагов совсем не замечаю.

9.

От соков и тепла рассвирепев,
Ни у кого участия не кланча,
Пробил асфальт однажды на заре
И потянулся к солнцу одуванчик.
Шагая мимо как-то по делам,
Подумал я совсем неподходяще:
«Такую б силу пробивную нам,
Глядишь, стихи печатали бы чаще».

10.

Мне эмигрантов сроду не понять:

Да пусть любая обжигает осень,
Ракиты, небо, деревушку, мать...—
Ну можно ль это позабыть и бросить?
Их много, кто в чужой предел уплыл,
Своих дорог связав концы с концами.
...Сначала каждый малодушным был,
Потом немало стало подлецами.

11.

Мы часто мимолетное не чтим—
Случайное забудется, мы знаем.
Но как порой полузабытый миг
Тревожит нас, распоряжаясь нами!
Мы чувств хорал стремимся повторить,
Увы, они, как все, неповторимы...
Цените миг! И он умеет быть
Юньским солнцем в сумасшедших зимах.

12.

Однажды вечер поздний расколов,
Ударил грохот туло и визгливо.
Испуганно, как из далеких снов,
Вдруг память с криком выбежала: «Взрывы!»
Ну что ты, память, это в честь побед
Гремит салют, ракетами расцвечен...
Да-а, столько лет минуло, столько лет,
Я ж от войны поныне не излечен.

13.

...А я ее, красивую, любил,
Но в чувственном не понимал тумане,
Что я какой-то лишь страницей был
В ее сплошном зачитанном романе...
Ну что ж, спасибо, жизнь, и в этот раз,
Урок и сей мне оказался нужным,
Я понял: снег тогда ласкает глаз,
Когда при нем мы дворником не служим.

14.

Жесток и страшен пож из-за угла,
Не милосердней и рука в кастете.
Один—лишь взмах—и кроет сердце мгла,
Другая—челюсти любому метит.
Но лезвие возможно отвести
И скулолом не всяким удастся,
Но от навета как нам упасться,
Когда наветчик тайным остается?

15.

Прости мне, осень, легкий адюльтер,
Я нынче в март отчаянно влюбился.
Забыты груды дорогих потерь,
Я будто в речке сказочной напился.
Хрипит в оврагах нездоровый снег,
Небес ставок бездонен и безбрежен...
Ах, как тревожит талых веток смех!
Ах, как пьянят раздумья и надежды!

16.

Когда о прошлой думаю войне,
О детстве память чуткую тревожу,
Встает вдруг злоба на дыбы во мне,
И вижу я всегда одно и то же:
Ведет конвой Макаровых на казнь,
Шаги фашистов грохают в затишье,
А в стылых окнах хаток не боязнь —
Безмолвный гнев ровесников мальчишек.

17.

«Я знаю жизнь природы и людей», —
Иной поэт в стихах архиерейт,
А я ему — хорей меня убей! —
Ни на полногтя не могу поверить.
Я был причастен не к одной судьбе,
Меня тянуло тоже похваляться...
Но дай мне Бог хоть как-нибудь в себе,
В самом себе однажды разобратся.

18.

Проверено и выверено мной:
На суд чужой стихи предоставляя,
Ты только душу, согласясь с собой,
Чужою желчью глупо отравляешь.
Уж коль травить, так лучше уж своей...
Пока стихи молва не расхватала,
Написанного сроду не жалея,
Суди своим жестоким трибуналом!

19.

Предвидится: стихов моих язык,
Как и других, однажды устареет.
Но и тогда он все-таки согреет
Того, кто чтить постыдно не привык
Тупую подлость, розовую ложь
И дутую бездарную известность.
...Во все века из умиравших слов
Одно смертям не поддавалось — честность.

Когда-то здесь торжественно шумел
 Дубовый лес. Туманились лощины.
 Попад опушкой голубел осинник
 И клен листвою узорной пламенел.
 Но кем-то бессердечным наповал
 Поэзия подкошена поспешно.
 Теперь над пнями плачут безутешно
 Орешник да убогий краснотал.

□

Сквозь пики рогоза,
 Сквозь топь, бурелом
 Я к плесу с двухстволкой
 Ломлюсь напролом.
 О, мирик болотный,
 Понятный, как стих,
 Ты так мне желанней
 Гостиных иных,
 Где ханжество тлеет
 Гнилушками дней
 В пустых разговорах
 И рюмок на дне,
 Где виснут тяжелые
 Латы портьер,
 Где книги—не книги,
 А так... интерьер;
 Где с чванством в обнимку
 Хихикает ложь...
 Приют мой заветный,
 Ты ложь не умножь.
 Сбежал к тебе вновь я
 В который уж раз
 От чьих-то пустых
 Анакондовских глаз.
 Прими меня, тихий,
 С тревогой моей,
 Со всей моей смутой
 Закатом облей.
 Чего пожелать мне?
 Да что же желать?
 Позволь лишь над красной
 Водой постоять,
 А, впрочем, еще
 Попрошу об одном:
 Отправь мою слабость
 На самое дно.
 Омой мою душу,
 Как дождики Русь,
 И снова здоровым
 Я к людям вернусь.

□

Еще утрами зори серые
Последней стужею дымят,
Но мир уже безмерно верует —
Нет возвращения назад.
К метелям, злым от круговертицы,
Скулившим гибельно в полях.
О, как с апрелем хочет встретиться,
Дыша прерывисто, земля!
Об этом самом, хмыкнув в лапочки,
С ним сами встретиться не прочь,
В грачиных гнездах, словно в шапочках,
Галдят березы день и ночь.
Ну что ж, их доводы досужие,
Наверно, к истине близки,
Недаром в полдень пахнет лужами
У гаражей и мастерских.
Апрель, апрель! Гость синеглазый,
Улыбчив, мил и конопат,
Гранитный дядя только разве
С тобой не будет встрече рад.
Иди в поля и рощи. Властвуй,
Всему и всем свое тверди
И рать подснежников глазастых
Навстречу людям выводи.

□

Время что-то перешло на крик:
Вон поэт горланит на эстрадах,
Криком смят на панораме лик,
Рок-ансамбли завывают стадом.
Все кричит. И люди, и земля.
Небеса вопят до посиненья.
О своем кричит с трибуны Гдлян,
Потеряв кричащее терпенье.
Выйдешь в темь покоем подышать,
Где там! Ночь содомнее, чем вече.
И в тоске заходится душа:
Наш ли это облик человеческий?
Зверский мир! Ты рот свой затвори,
Посиди не под ракетной крышей,
И не надо, в уши не ори,
Не глухой, я и без ора слышу.
Помолчи минуточку хотя б,
Ты услышишь средь апрельской ночи,
Как осина, маясь и пыхтя,
Миру дарит листиков пучочек.
Помолчи. Опомнись. Отойти
От софитов, буханья и рева.
Посиди. На звезды погляди.
А безумье... Что ж, оно не ново.

□

В саду бесприютном
отчаянном нашем

последним листочком
оранжевым машет
озябшая яблоня,
машет, как надо,
как флагом с последней
своей баррикады.
Но силы иссякли —
конец неминучий.
А север все шлет
снегоносные тучи,
он гонит и гонит их
в злобе упрямой,
чтоб флаги упавшие
сбросили в ямы.
Но все же оранжевый,
все же последний
бьется, трепещет
на ветке победно.
Бьется упрямо
под ветра стенанье,
значит, не сломлено
лета восстанье!

□

За окошком черные деревья,
Черный дождь и черные дома.
Повторю простецкое поверье:
Это осень спятила с ума.
Бродит осень то в полях среди копен,
То листву в недалежней роще рвет,
Оборвав, спокойно в лужах топит
И без слов угрюмое поет.
Эта песня тягость навевает
Потому, что сам, с тоской борясь,
Как она, под шум дождя срываю
Не листву—листки календаря.
Ты вернись и мы вдвоем под вечер
Их с тобой спокойно соберем
И в честь нашей выстраданной встречи
Неспеша со смехом перечтем.
И с души простецкое поверье
Опадет—то осень подтвердит:
Станут очень светлыми деревья,
Прекратятся черные дожди.

М о л и т в а

Господи, отринь меня от быта,
Вызволи, освободи от пут,
По земле, давным-давно забытой,
Сам себе я выберу маршрут
И уйду, макая ноги в росы,
В полевою чудо-благодать,
Чтоб на все дурацкие вопросы
Все ответы разом отгадать.

Я на них уверенно отвечаю,
Мне помогут в этом: и вода,
И деревья, и протяжный вечер,
И моя заветная звезда.
Только Ты, пожалуйста от быта
Ну отринь, распутай маету,
В этом мире, ханжеством залитом,
Жить уже почти неумогу...

В Ольгинке

ЛИРИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ

Марии Степановне Викторенко,
матери космонавта, к сожалению,
посмертно.

I

Сгорают закат за спиною
И сыплется пеплом в Ишим.
Укрытой в снега целиною
Мы в Ольгинку трое спешим.
УАЗик устал, укатался...
Ах, загнанный наш драндулет,
Ты нас довези постарайся,
Иных у нас шансов ведь нет.
Безбожных дорог канонерка,
Пойми журналистскую прыть:
У мамы в гостях Викторенко,
Он в отпуск приехал, побыть.
Ну можно ль прошляпить такое?
Как случай такой упустить,
Не встретиться с нашим героем?
Нам это никто не простит.
Пусть выдюжат мост и коробка,
Пусть двигатель твой дохрипит
И пусть радиатора пробка
От пара в зенит не взлетит.
Давай напрягайся, любезный,
Все поршни свои поднатужь
И следуй дорогой известной,
Ползущей в поселок, как уж,
Сейчас поворачивай вправо...
И вот он на взгорье крутом
Встречает нас, смотрит лукаво
С резною оградкою дом.

II

Я думал у низенькой двери,
Природным стесненьем давим:
«Ну чем эту разницу смерить?
Ну что мы в сравнении с ним?
Он к стае орлиной причастен
И звезды его высоки,
А мы лишь узнали причастье
Газетной нелегкой строки...»
Но светом уютно-лучистым
Двери осветился проем.
В приветливость комнатки чистой
Мы дружно шагнули втроем.

III

—Входите, входите, ребята!
Откуда вы поздний народ?
Причесана скромно и гладко,
Навстречу хозяйка встает.
—Садитесь. Вы к Саше, наверно?—
В глазах доброта и привет,
—Вот только—и час-то вечерний—
Его, к сожалению, нет.
Вы знаете, я уж не знаю,
Как можно вот так отдыхать,
Когда без конца приглашают
Его выступать, выступать..
Опять вот директор совхоза
Куда-то его укатил,
Скажу вам, ребята, серьезно:
Я Сашу не вижу почти..
Сказала и тут же во взгляде
Такая всплеснулась печаль
И снова с ней, старенькой, рядом
Та дальняя выплыла даль,
Когда ее Саша, сынишка,
Оравы ребячьей среди
Был самым обычным мальчишкой,
И шкодил, и в школу ходил;
Все делал охотно по дому,
Бригадам косить помогал,
На буйной речушке подолгу
Один допоздна пропадал.
—Бывало, сидит на откосе.
И долго глядит, не моргнув,
Как ИЛы на крыльях проносят
Куда-то надрывистый гул.
Однажды явился с рыбалки,
Удлиница в угол сложил
И вдруг—я опешила даже:
«Я лётчиком буду. Решил».
И встал во, как молвится, стремя,
Он в юности был одержим.
...Плетется беседа, а время
За окнами синью бежит,
В сугробы с карнизов стекает,
Расплывчатым двор уже стал.
Коллеги альбомы листают..
Но все же приходит финал
Беседе сердечной и долгой,
Неспешной понятности слов.
Не слышно на улице «Волги»,
Не слышно людских голосов.
Ну что же, пускай неудача
Немного на сердце горчит,
Для скорби, унынья тем паче.
Я думаю, нету причин.
Пускай мы не встретили Сашу
(Бывают удары грубей),
Отныне поездка та наша

Причастна к высокой судьбе.
Мы с домом с поклоном простились
Нам было в дороге теплей
С того, что мы в нем погостили
Как будто у мамы своей.

IV.

Ах, думы, дорожные думы
Под рысканье фарных полос,
Ведь вас, как окурок угрюмый,
Не выбросишь в шелест колес.
Я думал о сельских мальчишках,
Не этих—прикультовских лет,
Какими же жадными к книжкам
Вы были—сравнения нет.
Вы кличку носили «колхозник»,
Презрениую в те времена,
За жизнь, что смердила не в розах,
А ваша была ли вина?
Вина ли, что как подорожник
И госбезопасности бог
Топтал вас в те годы безбожно,
И сталинский тяжкий сапог?
Но как бы убийц колесница
Не гнула и вас, и отцов,
Вы к солнцу сумели пробиться,
Орде вопреки подлецов.
О сколько умельцев не зряшных,
Умелющих делать дела,
Деревня российская наша
Ты этому мира дала!
Степная, умытая ветром
У трех пыленосных дорог,
Ты, Ольгинка, тоже заветный
Исполнила все-таки долг.
Страничка эпохи живая,
Живи, хорошей, молодей,
А мы тебе сердцем желаем
Из космоса добрых вестей.

Размышления после одного зарубежного телерепортажа

Оператор парень битый,
В деле трех овчарок съел,
В неторопком телеритме
Показать нам рай сумел:
Вот дворец, а вот театрик,
Площадь вот, вот рядом парк,
Вот бассейн, в бассейне кряквы,
Над бассейном плеск и кряк.
Проплывают в кадре ветви,
Улиц пышных чистота,
И кругом, как счастье, дети
И такая красота!

На экран гляжу устало,
Мысли в черепе снуют:
Так Победа им досталась?
Что же нам тогда? Салют?

Мой поселок степной

Ты не кленовый и не вязевый,
Мой поселок степной Тимирязево.
Тополевый ты, голубиный ты,
Небеса твои ветром вымыты.
Поперек и вдоль—дни—неделями—
Ты продут, прожжен стын-метелями.
По весне-красне, летом розовым
Весь исклестан ты ветром-грозами.
Но цвести тебе в садов кипени
В золотой степи добрым именем.
И шагать в простор новостройками..
Но отпущено песен сколько мне?
Может встреча та (годы грудятся)
С твоим будущим и не сбудется,
Но в буранных днях греюсь верою
И в твою судьбу все же верую,
И дою с того доверительно
О земле людей удивительных.

□

Ах, какое чудо это—водка!
Но тебя, придумщик-доброхот,
Я б, улившись перед тем в подметку,
Не жалея, свел на эшафот.

□

Падал ласковый снег на дома и прохожих.
Проходили трамваи пустые совсем.
Падал ласковый снег... Был он чем-то похожий
В этот миг на меня. Только все-таки чем?
Падал ласковый снег. Серебристый и кроткий.
И вошло вдруг под сердце, как мстительный нож:
В этой жизни моей, жизни очень короткой,
Может быть, на него я скорее похож?
Вот живу. Отживу. И замолкну строкою,
И растаю в тумане, как девичий смех,
А зимою опять, но другою зимою

Будет падать, кружась,
тот же ласковый снег...

□

Я вернусь в убогое жилье,
Пол помою, натоплю с квартире.
Посижу, И вспомню о своем
Месте в этом троглодитском мире.
Думы мои тихо побредут
По седой обкошенной России.
Загляжусь на яблони в саду
И, наверно, напишу стихи я.
Напишу и трижды перечту,
Всё к строке приникну изначальной
И замечу через маету:
Стал мой стих светлее и печальней.
Стал печальным Родине под стать,
Чуть сквозящим, словно бабье лето,
Словно милой вянущая стать,
Что теплом последним обогрета,

Вечернее

Г. А. Молоканов

Он по званию сельский писмоноша,
Я же чин колхозника ношу.
Он мужик безрукий, но хороший,
Потому всегда его прошу:
— Заходи, Андрейч, перекурим.
Мы вдвоем садимся на бревно.
Вечер тих, сиренев и пурпурен,
Смотрит взглядом благостным в окно.
В луговинах синь уже толпится,
Речка глухо перед сном ворчит,
Где-то ржет призывно кобылица,
Инструменты ладят дергачи.
— Подымить? Чего ж, оно не сложно,
Мы с махоркой вроде не враги.—
Он улыбкой расцветает: — Можно.
Ты свернуть цыгарку помоги.
Я две козых ножки сочиняю,
Мы дымим почти на полсела.
От затяжки клубы отгоняя,
Спрашиваю: — Как дела?
— Что ж дела? Дела белее сажу,
Ты же знаешь, их неупорот.
Как они вот в Сальвадоре, скажем?
Ты на этот выскажись-ка счет...
Померцав, взвивается беседа,
Как костер ребяческий в ночном,
О глобальных горестях и бедах
И о чем-то памятном таком.
Мы сидим и баем долго-долго,
Он, кто в каждом слове своем прав,
Он, кто дважды оглушен у Волги,

Кто оставил руку у Днепра.
Ну и я, который у Гнилуши
Рядом с прахом отческих могил
Немчурой расстрелянную душу
От людей тайком похоронил.

Возвращение с охоты

В глаза плывет, качаясь, снег,
Усталость в теле нудью длинной,
Но я тяну к поселку след,
Как реактивный двухтурбинный,
Уже не радует накрап
Петляний заячьих и лисьих,
Я, как бродяга старый, рад
Домов ко мне плывущей близи.
За взмахом взмах, за взмахом взмах,
Грохочут палки о планету.
И кто-то в сумрачных стволах
Поет веселое дуэтом.

□

В плену стерильных простыней
Лежу, прихлоннутый судьбою
И наяву, а не во сне
Я говорю с самим собою:
«Ну вот, допрыгался и ты,
Допелся птичкою на ветке.
Грустить не след—дар маяты.
Мы все побудем в этой клетке.
Но есть еще одна темней,
Оттуда выпорх невозможен,
Чихай на все, гляди смелей
В судьбы ухмылистую рожу!
Пускай она по ветерам

Толпится, подлая, у окон,
Ушли ее, как и вчера,
Туда, далеко—предалеко.
А если ж все-таки уйти
Тропою, многими избитой,
Придется—жизнь перекрести,
Уйди и мудро и открыто
Как до тебя ушли все те,
Но не проплачь в стихе заветном,
Что ты в труде и маяте
Отпелся птичкою на ветке.

□

О, как, бедняги, бьемся мы
Над смыслом жизни глупой этой!
Вы не нашли еще тот смысл?
И не ищите—смысла нету.
Есть смысл один: явиться в мир
И, тела цвет ему оставив,
С тоской покинуть ложный пир
И кануть под зиму отавой.

1969-й. Фрагмент

Памяти В. Высоцкого

Ворье моторизовано,
Найти следы их где?
Мы сверхорганизованно
Дежури́м в ДНД.
Мы город проутюжили
И вдоль, и поперек.
Как хорошо б поужинать
Да подремать часок.
—Шофер, к чертям собачьим
Гаси «катамаран»!
Ты отдых сам назначил—
Кинотеатр «Арман».
Под шуточки толкаясь,
В ночной выходим май.
И старший предлагает:
—Коровников, давай!
Ах, Валентин! Без нанеси,
Одну играл ты роль:
Магнитофонных записей
И канцлер, и король.
С зеленым глазом ящик
Ты жертвуешь на круг,
И баритон хрипящий
Все затопил вокруг.
Он словно был простудный
От пошлых сквозняков,
Он пел про чудо-юдо
Тех Муромских лесов.
Он издевался длинно,
Топтал родную дрянь,
Соседних хунвейбинов
И чью-то там герань.
Крамольный по реестру,
В той памятной ночи
Как души наши честно
Он все-таки лечил!
О, как же благородно
(Он знал—не жить без сил)
Баллончик кислорода
На всех один делил!
Нам с той поры поныне
Под клевет дураков
Унынье не в унынье
И дышится легко.

□

Тощий месяц в небе горбится,
Словно волк среди равнин,
С горьких чувств междуусобицей
На шоссе стою один.
Мир закутан в снежность белую,
Снится что ему сейчас?
Или прошлость оголтелая,

Или свой последний час?
Бог один в потайном сведущий,
Я ж, лаская благодать,
Так хотел бы мчащим, едущим
Крикнуть вслед, а не сказать:
«Ну куда вы так вот гоните?
Что вас бешенно несет?
Вы забыли, вы не помните,
Финиш — адский гололед!
Там у грани, стынью начатой,
Вас не сдержат тормоза,
Там судьба, смеясь, впечатает
В лед и фары, и глаза.
Ну потише ради бога вы!..
Но асфальт терзает свист
И мою мольбу убогую
Кружит, словно палый лист.

Сыну

Ну, садись со мною рядом, мой кудрявый,
Слушай тихо и, пожалуйста, без рож,
Говорят мне все друзья мои упрямо,
Что ты очень на Есенина похож,
И пророчат каждый день попеременно
(Забегая на пятнадцать целых лет),
Что ты будешь, уверяют, непременно,
Как и он, неподражаемый поэт.
Не хочу я быть, сынок, тебе гадалкой,
Ну, а если окунешься в эту ржу,
Я, критической несчетно битый палкой,
Вот что, мальчик, о поэзии скажу:
Да, конечно, возбужденно нацарапать
Строк лирических десятков—пустячок,
Но над вещью надо биться, надо плакать,
И просиживать сычом.
Ну, а дальше—тут дела такого рода:
Чтоб везде твою услышали свирель,
Этот стих, что весь в метафорных разводах,
Попадает на журнальную турель.
За турелью той сидит очкастый дядя,
Строчки крутит, бесшабанный, так и ся:
Рубит рифмы и союзы, косо глядя.—
Он, наверно, образованный.. чулак.
И стиха уж не узнать потом и после—
Так общипан он бывает весь и куд,
Как наш рыжий безобидный умный песик
По весне, когда ручьи кругом текут.
Вот и все, пожалуй. Дальше ты домыслишь.
А гадать... чего ж глазеть на небеса?
Когда жизнь в четыре пальца тебе свиснет.
Выбирай, сынок, свою дорогу сам.

□

Скользит история, скользит,
Но не шатает справедливость.
Стал виден каждый паразит

И паразитов этих лживость,
Слюнявых масок поднят край,
Хапуг открыты свету хари...
Берись, поэт, и воспевай
Страну в лирическом угаре.
На свежесть чувства не скупись,
Садись к столу, смеясь и плача,
Отныне счет иному начат,
Иное нынче веет в жизни

□

Как медленно отходит карагач,
Шальнойю одурманенный зимою.
Стоит он сир, беспамятен, незряч,
А все вокруг оделося листвою.
Но солнечным насытившись питьем,
Он расчехлит легко однажды почки
И вознесет могущество свое,
И красоту неспешную упрочит,
Ну, а когда осенним сквозняком
Сорвет одежды с тополей и кленов,
Один он будет плыть, особняком,
Среди унынья зябкого зеленым.
...Вот так порой, бывает, и талант,
Пробив людскую черствость запоздало,
Вдруг засияет ярче во сто крат
Того, с кем время в гении играло.

Ковыль

Из степных печальных песен,
от столетий бел,
подбежал он к самым рельсам
и оторопел.
Мчат составы, сталь грохочет,
тормоза вязжат.
Перебраться нету мочи
через этот ад.
Он стоит в вечернем свете
грустнолик, раскос,
и полощет теплый ветер
белоснежность косм.
Что теперь спешить в подлесье?
Он и не спешит.
«Доживу свой век и здесь я», —
на ветру шуршит.

Старая яблоня

О, как она прежде роскошно цвела,
Дарила плоды и прохладу.
Но немочи финишной яд и зола
Впорхнули и к ней за ограду.
Той губельной смеси листва напилась,
И вот под таинные муки

За веткою ветка поникла, лупясь,
Как будто отсохшие руки.
Упорно с недугом боролась она,
Но в осень в безрадостной хмури
Она перестала скрипеть и стенать—
Упала, повергнута бурей.
Садовник пришел, распилил на дрова
(Теперь нипочем ему вьюги),
И каждое утро, светало едва,
Стелился дымок по округе.
Он так ароматен и сладок был так,
Как только отеческий может,
Он был не обычное дело, пустяк,
Он души тревожил прохожим.
...О, как бы хотел я вот так же, друзья,
При дней неминуемом слоде,
Как яблоня дым, расстелить, уходя,
Над степью душевное слово,
Чтоб тем, кто его, подобрав, приносил
Домой бы в буран оголтелый,
Оно добавляло надежды и сил
И душу, и тело бы грело.

□

Сумасшедших сколько на Руси?
Ты Москву об этом расспроси.
Но Москва ответит вам едва ль,
Миллион, вам скажет, может, два...
Друг, ты лучше у меня спроси,
Сколько сумасшедших на Руси.
Я полвека на Руси прожил,
Видел море ханжества и лжи,
Казнокрадство и прожектов крах,
Демагогов с пеной на губах,
Подхалимов галстучных стада,
И семи режимов обода...
Уверяю, как перед судом:
Вся Россия—спившийся дурдом.

Крушина

Кончается долгое лето,
Толпится туман на дугу,
Я встречи в той роще заветной,
Представь, позабыть не могу.
Зачем же ты ягод дурманых
Тогда мне с крушины нарвал?
От них непривычно и странно
Кружилась всю ночь голова.
Крушина, крушина,
Зачем ты мою голову вскружила?
Зачем ты мое сердце сокрушила?
Крушина, крушина, крушина,
Ты был и хорошим и мудрым,
Но речи нежны были зря:
Я все поняла это утром,

Когда нас венчала заря.
Я знаю, что больше не будет
Ни лета, ни ночи хмельной,
Но сердце, клянусь, не забудет
Ту рощу с крушиной лесной.
Крушина, крушина,
Зачем ты мою голову вскружила?
Зачем ты мое сердце сокрушила?
Крушина, крушина, крушина.

Последняя метель

...А утро ничего не предвещало.
Оно обычным было. Мартовским. Однако
У ветра юго-западного запах
Был снега первого. А кроме
Он пах отавой и чуть-чуть мечтой.
Но вот, рождаясь где-то в мирозданье,
Пушистые игривые снежинки
Десантом парашютным опускаться
Вдруг начали на крыши и прохожих
Собак бродячих — странно! — веселя.
Потом сплошной армадою шуршащей
(Так из трубы, я видел, сортировки
Летит, гонима воздухом, полова)
Ударил снег стеной неодолимой,
Преображая вещи на земле.
То был зимы порыв закономерный.
Но он мне тут же подсказал сравненье
С любовью злой, печальной, безответной.
И в самом деле, разве не похоже
Все на уход любимого к другой,
Когда покинутая просит, унижаясь,
Ту, что взяла и счастье и опору,
Отдать ей власть обратно на былое,
Но видит вдруг в сопернице презренье
И радость тихую на каменном лице?
Так было тут.

Елки

Спилили вас на прихоть и потребу,
Чтоб в новогодний вечер голубой
Принарядить стеклянным ширпотребом
И всякой разноцветной мишурой.
Проходит все, И этот праздник канул.
Нужны вы были людям до поры.
И вот везде, как битые стаканы,
Вас вышвырнули в снежные дворы.
А дни идут к стозвонному апрелю,
До лета сколько дней еще терпеть?
Но вам уже под пересвист и трели
С подругами в бору не зеленеть.
Одна вас ждет безрадостная участь:
Когда ударят солнце и трава,
Вас топором тяжелым неминуче
Старательно изрубят на дрова.

Вступление к поэме

Да, память человечества не дым,
Она пропахла порохом и кровью.
Я через годы, как через сады
Сожженные, иду, гонимый болью.
Иду туда, где тлеют зелена
На рыжих ископченных пригорках,
Где пахнут конопляники прогоркло,
Почти вплотную подступив к плетням.
Все сорок долгих и нелегких лет
Иду я к ним, сквозь память продираясь,
Мне в этом мире сила никакая
Не помешает выполнить обет.
Село мое! Как все знакомо здесь,
Все до последней кочки и овражка.
Но почему же так сегодня тяжело
Выстучивает сердце: здесь ты! здесь!
Не потому ль, что как в бредовом сне
Я вижу снова: убивают детство...
Но где оно — расстрела злого место?
Его теперь не отыскать уж мне —
Ни холмика. Ни камня. Ни креста.
Но разве память, как осину срубишь?
Так пусть же детству памятником будет
Вот эта повесть на души листах.

□

Мне так хотелось бы побыть
Хотя бы год один тираном.
С чего б я начал, братцы, жить?
Я не вставал бы утром рано,
Я б в полдень ложе покидал,
Подолгу б в зеркало гляделся,
Ну, а вокруг меня хурал
Дрожащих выроdkов вертелся б.
Труда изношенный хомут
Я б на чужих супонил шеях
И радость знал одну бы — кнут
Затем, чтоб вхлестывать идеи,
А тех, кто взбрыкивать посмел
Под вечер там иль спозаранку,
Я так... ну просто между дел
Сплавлял оравой на Лубянку б.
О как бы рад был мой народ
Ползти по жизни на карачках.
Он не открыл бы сроду рот
И в положении собачки.
А как бы грабил я казну!
Как «медвежатникам» не снилось.
Жену имел бы я одну,
Но мне по графику б любилось...
Да, я б хотел побыть царем,
В цехах и в поле не мантуля,
Когда б народ не изобрел
Веревку, яд, кинжал и пулю,

На мотив „Черной шали“

Я в юности очень старательно жил,
С работой тогда без оглядки дружил.
В деревне любой вам поведаст дом,
Что был безотказным я в общем рабом.
Но дружбу не только я с полем водил.
В деревне был парень толковый один,
Ухватистый парень, с губой недурной,
Мы связаны были судьбою одной:
Прагматик завзятый, мой кореш-другок
Был так же от бедности бос, голо...
Но выбились в люди мы, вышли на свет,
Он стал замминистра, а я вот поэт.
И вот я в столицу однажды помчал
(Средь ямба с хореем совсем одичал)
И первый звонок был дружку моему.
«Кто, кто? — я услышал. — Никак не пойму!
Кто, кто? Поляков? Я не помню сейчас.
Да, вроде бы были такие у нас
В деревне. Но столько прошло уже лет...
Ах, часа свободного, знаете, нет!
Да вот и сейчас на коллегию мчать...»
Я трубку повесил, чтоб вдаль не послать.
Сюжетец простецкий, банальный чуть-чуть,
Но он приоткрыл человечества суть.
А взял я в помощницы «Черную шаль».
Затем, чтобы спеть про двуличную шваль.

Илийский триптих

1.
Хорошо усталым, пропыленным,
Валкою походкою морской,
С поля, к горизонту вознесенного,
Возвращаться вечером домой.
Ну-ка, жены, отложите хлопоты,
Ковш с ведром несите-ка без слов,
Лейте воду на ладони потные,
Лейте так, чтоб мускулы ожгло!
Ах, как радо тело гулкой бодрости!
Так легко, хоть снова за штурвал,
Но заря сгорает и без жалости
Сном, как хмелем, валит наповал
Спите, хлебоборбы, спите, пахари,
Руки-крылья тяжко разметав.
Сны! слетают голубыми птахами
С золотого лунного куста.

2.
Неторопко и степенно
Сквозь года
Убегают Каскеленки
Синь-вода,
Над излучинами реют
Лишь стрижи,
Низко чертят, не робея,
Виражи,

Берег левый тонет в зное—
Весь в холмах,
Будто тысячи слоновых
Черепях
Притащились к водопою
Из степи.
Плачет птица за рекою;
Пить! Пить! Пить!
Но усталому поселку
Недосуг,
Жизнь его не развеселый
Водит круг.
Птица-плакса, пусть сорвется
С сердца креп,
Нынче песенка поется
Трудно: хлеб.
В этой песне светлолицей
Нет тоски.
Ты ушла бы лучше, птица,
За пески.

3.

Разве время остановишь?
Бег минутный—не река.
И опять к руке влюбленной
Робко тянется рука.

—До свидания!

—До встречи!

Ой, девчонка, милый твой
Завтра встретит синий вечер
В поле, с прозвищем Карой.
Там ему в закатной зыбь,
Перемешанной с огнем,
Много вспомнится улыбок,
Но а имя—лишь твое.

Так зачем же сердце мучить?

Обими судьбу свою...

Улыбнулось солнце с кручи,

Встав у речки на краю.

--До свидания!

—До встречи!

Взгляд во взгляд, лицо в лицо.

—До свидания!

—До встречи!

Рук растаяло кольцо.

□

Откуда начинается дорога?
Отвечу, коли ты меня спросил:
От школы, от родимого порога,
От поля, расprostертого за синь,
От сада, что в смятенье листопадом
Озвученным по осени метет...
О, радуга дороги за оградой,
От дома уводи в людovorот!
Одно при этом не отринь желанье:
Окраиную жизни не веди.
Обычность необычна. До свиданья!
Огромность мира проводом гудит...

□

Жизнь такая—совсем не до смеха,
Хоть садись и скули на луну.
Хорошо б, как евреи, уехать
В сопредельную чью-то страну.
Хорошо бы... Но выйду из дома
В серебристую тихую ночь,
Свет от снега такой, что не в мочь,
Что начнется вот-вот глаукома.
А на бархате темном небес
Столько звезд, чуть мерцают, роня,
Будто с фермы нетрезвый балбес,
Умыкая, рассыпал пшеницу.
Ни шагов, ни случайной собаки—
В стужу что вояжировать зря?
Щурят темные окна бараки,
Но соседские ярко горят:
Там, за ними, речей разнотонность,
Самогонка в стаканы—рекой.
Вот немного еще и законно
Развернется вовсю мордобой.
Я стою и от зависти тлею.
Но потом я себе самому
Говорю: «Да такая ж затея
И в моем может вспыхнуть дому...»
Тая куда же я к черту поеду
От родимых свиней и сеней?
Мне не нужен ваш порт Дёмодедов,
Я, пожалуй, евреев умней.

Ночное купание

На пугливой черной глади
Колдовская россыпь звезд...
Плечи зябнущие глядя,
Выбегаю на помост.
От помоста до плотины,
Там, где светится ветла,
Через плеск и крик утиный
Тропка желтая легла.
Не зовет тропа, ворожит...
Трусить что ж? Реке я свой.
И смыкается безбожный
Холод ночи надо мной.
Выплываю. Блеск кругами.
Звезды теплятся на дне.
Мирозданье раздвигая,
Я плыву, плыву к луне.
Я плыву, вздымая яро
Крылья рук над головой.
«Не доплыть!»—с коряги старой
Вслед хохочет водяной.
Он хохочет, а деревня
Ткет из хохота молву...
И кричу я, будто в древность:
—Эге-гей, я доплыву-у!

В минуту слабости

За окном гудят сады,
Белым цветом пенятся,
А во мне—разгул орды,
Дым пожаров стелется.
А во мне—громид шабаш,
Черное поветрие...
Польхай, души шалаш,
Снизу ли, с повети ли.
Польхай! Я не сгорю,
Выберусь из пламени,
Допую, договорю
Сердцем насквозь раненным.
Задыхаясь, доползу
И ударю в колокол—
И взметнется в небо гул
Доброносным всполохом!
Бестолковый вой орды
Звоном трав заменится.
И опять кругом сады
Будут цветом пениться.
Будут вновь галдеть грачи
И, как в детстве радуя,
Недоступно-горячи
Вспыхнут в небе радуги.

□

О как же я тебя любил
Ассоль святая!
Такой любви не знал Люблин,
ни Рим с Шанхаем.
Я на свидания летал
аж фалды—в крылья,
Я буден гнусь не замечал,
все было былью,
Все было былью,
до тех пор,
пока, не скрою,
пришел к тебе другой,
как вор,
увел с собою.
Увел, как лошадь
на базар
в середине лета,
Я снес бы, видимо,
позор,
когда б не это:
он шел, склонясь
к твоей щеке,
какой-то Гоша.
Твоя рука —
в его руке...
Что знал я горше?
И сникли фалды пиджака,
тряпье—не крылья.

И стало вдруг для простака
иное былью:
«Любовь, подумалось, теперь,
видать, такая,
что в городке
с названьем Тверь,
что и в Шанхае.
Да не любовь она
совсем,
не похоть даже,
а так,.. словечко для утех
и распродажа...

Утренний экспромт

Я люблю, когда еще не бьются
На кулачки черти у дорог,
Вдруг от звона тишины проснуться
И шагнуть, одевшись, за порог.
Дремлет степь, туманом принакрыта,
И, как клочья взорванной ночи,
На березах, охрою облитых,
Черные качаются грачи.
Но туман уходит понемногу,
Обнажая всюду свет и тень.
И становится над миром Богом
Синеглазый работяга-день.

□

Ой ты, Ваня Калита,
И других царей ползвода.
Много в оные лета
Вы старались для народа.
Речь о многом не берусь,
Об одном реку без лени:
Трудно вы копили Русь.
По клочочку, по сажени,
Накопили. Вперекор
Всем напастям и пожарам.
И взнеслась подобьем гор
Вековечная держава.
Но пополз кислотный зуд
Самостийности поганой:
Рушат горы, бьют и рвут
С ликованьем обезьяны.
Ой ты, Ваня Калита,
Царь прижимистый и мудрый,
Не пойму я ни черта,
Что творят кругом лахудры.
Ни вблизи и ни вдали
Не видать душе опоры.
Видно, нонече цари
Из другого коленкора.

Теленок

На лужайке травянистой
В невозможно синем дне,
Он резвился так неистов,
Теплой радуясь весне,
То подбрасывал копытца,
То, себя разгоряча,
Он летел, похож на птицу,
Задавая стрекача.
Ах, когда бы знал он, глупый,
От азарта весь дрожа,
Что в мясном отделе куплен
Будет сворой горожан
Он однажды и разложен
По авоськам и кулькам,
Был бы он доосторожней,
На лужайках не мелькал,
Он бы, знак беды заметив,
Плюнул в пойло б наугад
И сбежал. В какие степи?
Да куда глаза глядят.

□

... Но как одиноко,
когда суету перерос.
В. Гаврилин.

Мне кажется порой, что я живу
Не на земле, не тут, не наяву,
А над землей, где царство—Пустота.
О, как видна оттуда суета
И маета двуногого зверья
В непроходимых поисках жилья,
Опустошающего реки и сады
В непроходимых поисках еды!
Мне кажется, живу я тыщу лет,
Но до сих пор в почете злой навет,
Подхалимаж, низкопоклонство, ложь,
Грызня межчеловеческая сплошь.
Святое есть ли что-то на земле?
Лежать ей, видно, все-таки в золе.
Вот потому-то жалит, как кинжал:
«Зачем к двуногим я принадлежал?
Ужель затем, чтоб глупость повторять
И одинокость вязкую узнать?
Или затем, чтобы гнилую нить
Бессмысленного сущего сучить?»
...Как хорошо, что я от суеты
Сумел уйти в просторы пустоты.

□

Что кривить? У Фета
Не стихи, а лето.
Но такое дело,
вот уж сколько лет

от картины белой
мне покоя нет:
«Свет небес высоких
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег».
Вспомнишь в вечер длинный
строчек этих гладь,
в грусти безпричинной
хочется рыдать.

К двум портретам

1. А. С. Пушкина.

Я пью стихи его запоем,
Но не видать в братине дна.
С того и кажется порою:
В нем что-то есть от колдуна.
Приворожил. Но я не знаю,
Какой травой, какой водой.
А может, я с собой играю?
Лукавлю чуточку с собой?
Пусть все, как есть. Одно хочу я:
До заключительного дня,
Пьяня, те чары, и врачуя,
Не отпустили бы меня.

2. С. А. Есенина

Не в «Англетере», в ночь повешенным
Руками псов ОГПУ
И не в наветах весь, навешанных
Под крик двуличный «Караул!»,
Идешь ты русским в дым и песенным
И, как предписано судьбой,
Несешь, ладонями вознесу,
Простую Правду над собой.
Она, как сердце Данко, алится.
Мешая чьим-то стадным снам.
...Плюю и я, что свет не нравится
Ее сверхекуиным сынам.

□

Тихой-тихой синию полуночью,
Ближе к предрассвету рубелю,
Сновидений отряхнув заумочье,
Я себя внезапно разбужу.
И, с тревогой непонятной слушал
В теле ровный кровотока шум,
Вспомню дни я, может быть, не лучшие
И себя, как на суду, спрошу:
«Жизнь твоя не мятно, не пионово
Не на лучшей грядке процвела.
На сто книг стихов понарифмованъ,
Ну а нужной песня-то была?
Кто-то в мире стал ей завоеванным?
С ритма чей-то сдвинулся ли день?
Много ль ей умыто лиц зареванных?»

В скольких душах выжгла дребедень?»
Знать не знаю. Потому невеждою
Говорю себе же как во зле:
«Пусть об этом за тебя поведают
Сто врагов и тысяча друзей».

Март

Туман дожевывает снег
В пустынных сумрачных лощинах,
Пригорков сохнувшие спины
Жнивья щетинят рыжий мех.
Окончен долгий бой с зимой.
На край села под вечер выйди:
На прошлогодних травах виден
Ее несмытый прах седой.
Земля томление лучит,
Она страдой далекой бредит...
Трубят веселую победу
Грачи, капли и ручьи.

Сашка-, хомут“

Острижки—они ж зараза...
За особый Сашкин труд
Прицепили в автобазе
Ему прозвище: хомут.
Почему, за что хомут?
Пояснение нужно тут.
Впрочем, нужно ль пояснение?
Сашка делом прочным жил:
Для водительских сидений
Он подушки классно шил.
Шил, скажу, на загляденье.
Не один автопижон
Пел, бывало, в восхищенье:
—Это ж, братцы, про-осто тро-он!
Похвала ему—награда,
Скажем, как душе снегирь.
А удваивалась радость,
Если кто-то нес «пузырь».
Врезав пару стограммовых
(Он в гробу видал Указ),
Начинал всегда не новый
Сашка памятный рассказ:
— Вы не думайте, что сроду
Был вот так я «хомутом».
Я со всем моим народом
Обживал целинный дом.
Начинал, как все, с палатки
В пятьдесят четвертый год,
Поднимал во все лопатки
Я когда-то свой «Восход».
Нынче техника, что надо,
А тогда... едрена мать,
Не дай Бог вам до упаду

В поле «Сталинец» таскать,
Или, скажем между нами,
По четыре дня не спать,
Иль «директором» с вилами
На копителе стоять...
Я ни сколь не сожалею,
Что труда—вот так!—хлебнул.
Только высказать идею
Очень хочется одну.
Я люблю читать запойно,
Книжку сгрыз я не одну,
Но не встретилось достойных
Ну про нас, про целину.
К моей памяти присохла
Щеголихинская вещь,*
Остальное как-то дохло,
Не о сути водят речь.
А ведь нас не для комеди
Награждали. Как же так?..
Верю, кто-нибудь процедит
Наши годы—не—пустяк
И опишет все, как надо,
Без прикрас и выкрутас.
Что? Конечно, он не сладок
Труд в полях и по сейчас.
Что? Ах, кличка... Поздно ль, рано ль
Уползет она, змея,..
Между прочим, Емельянов
Александр Егорыч я.

---

* Имеется ввиду повесть И. Щеголихина
«Снега метельные».

Черта

Как говорится, песня спета.—
Цветы и грозы позади.
Идет полями бабье лето
С последней астрой на груди.
Видны его во всем приметы,
Они и в том, как воздух чист,
И в том, как солнцем обогретьи,
Роняет тополь медный лист,
И в парашютах паутинок,
Летающих косо на жнивье,
Где суматошность стай утиных,
Собравшись, кричат о своем.
Они—в скворцах, когда их стаи
(Как будто ниточки в узлах)
Беззвучьем нот на нотном стане—
Сидят на зябких проводах.
Да-да, конечно, песня спета,
Не зря ж, грусти иль не грусти,
Черту меж осенью и летом
Крылатый лайнер прочертил.

Поэтам России

Зато не ссорились поэты,
С. Есенин.

Было так. Нет, ссорились, но редко.
А теперь? Я оботру елей:
Словно кто-то в узенькую клетку
Разнородных напихал зверей.
Шерсть летит, повыдранная с мясом,
Над страной хрипение и рык.
Лезут к славе, давкой веселяся,
Все подряд—и бездарь, и велик.
Что за зверство? Братцы, оглянитесь!
Где ваш разум, черт вас побери?!
Время всем вам—наконец, поймите!—
Номера на место подарит,
Нам другое до зарезу нужно,
Мы давно валяемся во рву.
Так давайте весело и дружно
За беды возьмемся бичеву,
Втащим Русь, а не себя на цоколь—
Да не слабнет каждого рука!
Если будет жизнь ее высокой,
Наша тоже будет высока.

□

У вас утра такие были,
Когда вы встали и умылись,
Попили чаю с неохотой
И с неохотой—на работу?
И у меня такое было.
Но дело в том, что осенило
Меня в то памятное утро:
Я ясновидец с Брахмапутры!
Я шел по улице, мечтая,
Людей, как книжечку листая.
Всех раньше встретил я собрата,
Мы пили водку с ним когда-то,
Но подловив его по пьянке
На взятке от тупой гражданки,
Теперь гляжу протертым взглядом:
Как мог я пить с подобным гадом?
Потом я встретил очень скоро
Мужчину мощного, селькора.
Его открыл я, словно ларчик:
Он пишет, чтобы гонорарчик
Газета выслала скорее
На борматухи батарею,
Чтоб приголубив ту сивуху
Закончить день свой оплеухой
Родной жене в разгаре спора.
Так вот в чем прелесть быть селькором!
Потом попался мне навстречу
Довольно плотный человек,
В РАПО он вроде прозябает,

Бумаги глухие листая,
Сидит и думает глубоко:
О, как до пенсии далеко!
Пока шагал я на работу,
Людей я встретил чуть не роту,
Ну пусть не роту, а десяток,
Я прозкранил их до пяток
И не обрадую вас новью—
Начинка их была коровья.
Я не нашел в них, между прочим,
Хотя бы малый уголочек,
Где б разместилась не капуста,
Солома, пойло, а искусство.
Печальным было это утро
Для ясновидца с Брахмапутры.
И утру я сказал: «Отрада,
Не осеняй меня, не надо,
Я буду жить неосененным,
Себе собою сочиненным».

Ночная сказка

Нет ни встречных, ни огня,
Только степь без края,
И баюкает тебя
Песня снеговая,
Хрупкий цокот... мерный бег...
Вдруг, взмахнув руками,
Две березы синий снег
Пригоршнями—в сани!
Ты нырнешь в тулупный мех,
Глаз открыть не хочешь,
А откроешь—хлынет смех—
Месяц захохочет!

□

Вы видели, как облако рождается?
Сначала нечто на полдневном небе
Вдруг возникает. И вот это нечто
Так странно, удивительно похоже
На паутины серое веретё,
Что пауки развешивают скромно
Для бабочек и легкодумных мух;
Потом оно белеет постепенно,
Растет, сползаясь, медленно клубится,
И вот, еще вы даже не успели
Одной версты пустынною дорогой
Пройти под солнцем, впитывая звуки.
А в небе синью—первозданной синью!—
Покачиваясь, облако плывет.
Рождение это я однажды видел,
Когда усталый с полевого стана
(Когда—не помню, кажется, в июле)
Шагал сквозь степь наедине с собою
Сквозь полдень желтый и почти зеленый

Упругий воздух, тающий в руках,
Но думал я совсем не о явленьи,
А о другом, с ним сутью очень схожем:
Я думал о стихах, Об их рождении.
О, как два этих волшебства похожи!
Но стих не пар—слова объединяет
И вместо нечто возникает вещь.

□

Поэт в России больше, чем поэт.

Е. Евтушенко.

Трудно быть, ты жалуешься, нежным,
Трудно петь о свежести зари,
Если уши матерщина режет,
Если хамство на углах царит.
Да, мы скопом в зависти погрязли,
В равнодушья облачились плащ,
Ну, а душу каменную разве
Тронет чей-то одинокий плач?
Потому-то в это половодье
Ты, смотри, не рухни, как в беду,
И щенком у разного отродья
Не пойдешь, прошу, на поводу.
Знаешь сам, в России светлолицой
При погоде гадостной любовью
Слово чести и любви великой
Даже волчий заглушало вой.
Так гони к чертям с лица угрюмость
И, значенье оценив свое,
Из груди, как из нелепых трюмов,
Выпускай последних соловьев!

□

На лицо свое гляжу и думаю:
«Вот такие финиши, браток,
Но какие ветры в душу дули нам!
Но какой был жизни кипятик!»

Дождь прошел

Все тише грома канонада,
Все реже капель перестук,
Туч фиолетовых армада
Уходит медленно на юг,
Просторней даль. И небо выше.
У нераспаханной межи
На кашках мокрых и притихших
Неслышной музыка лежит.
Но хльмнет солнце желтым зноем,
Она, глуша собой ручьи,
Средь ликования земного
Кантатой жизни зазвучит.

□

Как хорошо, что я живу в деревне!
И человеческий, и природный мир
прекрасны здесь. Тут меньше устаешь
от гонки в поисках тряпья и корма
и от борьбы на лестнице за место.
Кипят вокруг цивилизованные страсти
ну и мордасти жалкого пошиба,
а тут...зачем подпиливать соседа?
Мы лучше с ним запалим «Беломора»
и у калитки посидим на лавке
и поглядим, как день идет на убыль.
Да, вопи уж стадо, улицу марая,
степенно возвращается с джайляу.
Пылят корома и ревут призывно,
их вымена, рогатые, как мины,
качаются, налиты молоком.
А мы с соседом говорим о разном,
об урожае, молодежи, цирке,
авабии на Чернобыльской АЭС,
Мы костерим Курчатова и Бора,
и Жюлио-Кюри не пропускаем.
Потом решаем: пусть уран опасен,
и все-таки он, стерва, перспективен
как топливо. Его жестокий норв
не год обуздывать придется, изучая..
Потом мы местных кроем остолопов,
способных наживать, а не мыслить
и совесть, кстати, в детстве потерявших.
Но вот сосед, слюною вязкой плюнув,
«Пойдем, наверно,—говорит со вздохом,—
поможем бабам нашим по хозяйству».
Уходим мы. Он вечер завершает
запойным чтением злого «Дефицита»,
а я у чистого листа дежурством...
Как хорошо, что я живу в деревне.

Отдавай-ка ты нашу Алясочку..

Из песни группы «Любе»

Разгулялись ансамблидохматые,
Сколько их развелось на Руси?
Воют трезвые, воют поддатые,
Ты, Господь, нас от них упаси.
Все скулят про любовь телефонную,
Воспевают постельную дрожь.
Надоеет тема вдрыгь потогонная—
В политический лезут скулеж.
В сумасшедшей гитарной истерике
Под софитовый злой тарарам,
Добрались до самой до Америки:
Ты отдай, мол, Алясочку нам.
Ах, не знаю, но только мне кажется.—
Я в прсрочествах все-таки част,—
США от нее не откажутся,
Нам Аляску никто не отдаст.

Значит, брат, португесей заляпанный,
Не сжимай, завывая, кулак.
Мы ее, если даже оттяпаем,
Превратим непременно в ГУЛАГ.
Но зачем ологанизать зснами
Первобытно-прекрасную ширь?
Для отсидок, укрытая гронами,
Есть у нас попросторней—Сибирь.

Вечерняя песенка

Дочери Анне

Месяц—долькой буквы «О»,
Звезды виснут низками.
Ходит тихо под окном
Ночь алмаатинская,
Темець—платье в серебре,
Голубые бортики,
Щечки—будто в сентябре
Яблочки—апортики,
Прилепила к шипке нос
И рисует пальчиком
Строгий с точечкой вопрос:
Анечка не плачет ли?
Что ты, ночь! Она у нас
Дезочка хорошая,
Спать ложится в нужный час
С куклою Матрешою,
И растет она у нас
Умной и красивою,
Будет время и как раз
Даст ей знания мудрый век,
Станет и счастливою,
Доброму научит он,
Очень нужный человек
Из нее получится,
Из ребяческих сердец,
Тех, что вслед волнуются,,,
Ты заснула? Молодец.
Спи, родная умница.

□

За оградой синего дождя
Голубые лилии на лужах,
Мир как будто ниже стал и уже
За оградой синего дождя,
Но опять светлеет за селом,
Солнце ленты в радугу вплетает.
Яблоки листвою, как платком,
Наливные щеки утирают.
Вновь синицы двинькают, галдят,
Мир ликует, громами разбужен.
Дождь уходит, лапками следя,
Отцветают лилии на лужах.

□

Поэзия что? Вы
бесполезно качая головы
не вертите
и в словарь Квятковского
тоже не надобно
лезть.

Что поэзия? Это,
когда вы, отстранствовав,
к крову спешите
и не можете
грохот сердечный
никак одолеть.
Это—абрис
родного окна
с голубой занавеской,
а еще, когда на
обусловленный загодя стук
вдруг на плечи опустится
взгляд бессловесный
и кольцо из горячих,
тобой зацелованных,
рук,

□

Вот гляжу, как воду, всем доступную,
Озверев, в парламентах толкут
И дивлюсь: а почему не ступами
Там трибуны тонные зовут?

□

Мне кажется, мы говорить должны
О будущем советской старины
О Мандельштам.

О будущем советской старины
Мы говорить, пожалуй, не должны,
А если надо что-то говорить,
То лишь о том, как довелось нам жить
На положенья запертых рабов;
Еще о том, сколь гениальных лбов
Разбил усатый выродок-шакал
Со сворой самых мерзких подпевал:
Еще о том, конечно, во весь слух,
Как заразил он сифилисом дух
Добрейшего народа на года,
И эта ядовитая беда
В нем продолжает и смердеть и тлеть,
Хотя «отца» давно настигла смерть...
Да, мы сегодня говорить должны
О том, как были все мы неумны,
Должны прощенья у Христа просить,
Чтоб вновь беды такой не допустить,
Когда к рулю, лишь выучив «Букварь»,
Звероподобная садится тварь.

Осина

«Вздернуть на осинном суку»,
«Кол забить осиновый в могилу»...
И в какую ж только на веку
Не пришлось впасть тебе немилость!
А за что? Вглядишься—за пустяк.
Ну и что ж, что при рожденьи люда
Был подвешен на тебе костяк
Мужичонки гадкого — Иуды.
Бог ты мой, и как ты пережить
Все могла, преодолая годы.
Не с того ли листьями дрожишь
Даже в очень добрую погоду?
Голубое дерево - изгой,
У бродяг судьба куда счастливей...
Я встаю задумчивый и злой
И бросаю всем: несправедливо!
Я прощенье в жизнь не подарю
Никакому сукиному сыну,
Но сегодня четко говорю:
—Отряхнем проклятие с осины!
За ее бумагу и грибы,
За щепу, дрова ну и за спички,
А еще за глупости судьбы,
Что века к ней липли по привычке.
Отскоблим с коры ее клеймо,
В честь ее стихи давайте сложим,
Невиновность воскресить поможем —
Стоит это дерево того.

Читая старые газеты

Читая старые газеты...
Да нет, совсем недалгих лет,
Ужель, дивишься, было это?
А может, все—бумажный бред?
На всех страницах, до последней,
Смердит, как тот горелый лес,
Гудит, как вечная обедня:
КПСС, КПСС...
Сплошные пленумы и съезды
Да совещаний всяких рой..
О, как охота в морду съездить!
Кому? Да Родине самой.
За что? За тьму партийных трутней,
Жужжавших подло—и не год!
Зимой и летом, в ночь и утром
Наш доживавших общий мед;
За то, что, сукам потакая,
Дала себя заморозить,
Что на горбу иуд таскала
И не смогла иначе жить;
За морфинистские плакаты
И за элитных рожниц медь,

За склон, устроенный покато,
Чтоб в пропасть медленно лететь...
Ну ладно, что уж, Бог с тобою,
В конце концов циклопа нет
И мертвечиной живою
Все меньше пахнет от газет.

□

В кругу людей почти серьезных
При пустяковой болтовне,
Скорей во вред, а не на пользу
Такое слышу обо мне:
«Как не поставь словес ограду,
Давайте все же заключим;
Он выбивается из ряда,
Он над оградой торчит».
Друзья и недруги! Не нужен
Ни диалог, ни монолог,
Я, как и вы, и зол, и нежен,
И глуп, и мудр, ну и двуног.
Меня такал ж—в том ручаюсь—
В жизнь привела, как ваша, мать.
От вас лишь тем я отличаюсь,
Что научился рифмовать.
По этой части—тут я дока!
Не зря ж на стих ухлопал жизнь.
И в ряд один, а проще—сбоку
Со мной никто не становись.
А в остальном—я тоже нищий.
В конце, как вам, в одном из мест
Такое ж мне дадут жилище
И водрузят такой же крест.

К выходу в свет моих сборников „Барьер“ и „Горький ветер“

Люблю я книги издавать,
Люблю я книги продавать.
Тем идиотам,
Что без мата
Трех слов не могут увязать.

Художники

Аннушка, Анюта, посмотри в окошко:
Кто-то пухом белым устелил дорожки,
В белом пешеходы и заборчик шаткий.
Дом соседский тоже в белой-белой шапке.
Вон и стог соломы в белое закутан...
Падают снежинки, будто парашюты.
Падают снежинки тихо на березы,

А под ними—видишь?—Дедушки-Морозы.
Каждый в теплой шубе, меховой, боярской.
А под мышкой ящик—кисти в нем и краски.
Вот как только сумерки в березняк прольются,
По селу Морозы дружно разойдутся.
На окошках стылых в доме каждом-каждом
Нарисуют гости чудные пейзажи.
И на окнах наших—подожди, Анюта,
Тоже нарисуют; ты увидишь утром..

□

С белым флагом к тебе возвращась.

А. Кичинский

Любимая, конец Я прекращаю
Моей обиды злую канонаду.
Я приказал упрёков пулеметы
И минометы мелочности глупой
Перед рассветом нынче зачехлить.
Ты слышишь, как укрыться покидают
И, лязгая сквозь дым воспоминаний,
Идут, уходят танки недоверья,
Чтоб превратиться после переплавки
В пролет моста иль тепловозов стать?
Теперь ни ДЗОТов, ни траншей не будет,
Не будет черной ревности налетов,
Бродов, отходов и обходов с флангов.
Ты видишь, я с воздетыми руками
К тебе сквозь эту тишину иду?
Да, я сдаюсь. Безропотно. На милость.
И преклонить готов мои колена.
Но попрошу: не ставь сурово точку
И на листе, что мы с тобой подпишем,
Ты все-таки «Прощаю»—напиши.

□

Гении рождаются раз в столетие
Из услышанного.

Все спилось и закурилось,
Разложилось в пух и прах,
Завертелось, закрутилось,
Сбросив к черту стыд и страх,
И среди пьяного содома
Кто-то мямлит, скаля рот:
—Скоро гений из роддома
К нам придет и поведет.
Бросьте глупые надежды!
Нам судьбы не знать иной;
Он придет—или невежда,
Иль дебил. Очередной,

Наблюдения

Нас любое может бросить в раж,
Но руками не маши, как Шива:
В этой жизни все—сплошная фальшь,
Лишь одна природа не фальшива.

□

Начитался Волкова и Гинзбург
И в себе такое откопал;
Со слезами зрю родную избу
И смеюсь, дитая: «Капитал».

□

Дорога к больнице
заплевана кровью —
прием стоматолога,
значит, введут.
А мнится: то люди
друг друга с любовью
из жизни несносной
безжалостно рвут...

□

Ты говоришь:
два сердца — солнце.
Понять такое —
суть понять.
Пускай светить им
в два оконца,
но им одно обогревать.
И если вдруг
придет, случится
закат прощально
обовьет,
одно хочу:
твое лучится
пусть,
а закатится мое.

1967 г.

□

Нет, не получилось, как хотелось,
Как желалось в думах о конце.
Вот уж тайна робко забелела
Стылым снегом на родном лице.
Отошло, ушло твое светило
Под Господний высочайший перст.
В предвечерьи, врезан над могилой,
Голубеет онемелый крест.
Только он. И ничего другого,
Да еще на всхолмия утрат
Смотрит тупо, мыслями убогий,
Красномордый идиот-закат.

19.03.92 г.

□

Ну как мне тебя, подскажи, окрылить.
Чтоб снова, как прежде случалось,
Невнятное слово до одури пить

И сердце бы к сердцу стучалось?
А сердце.. да вот оно, рядом оно
И просит ответного стука,
Но страх между нами китайской стеной
И дымкой жестокая мука.
Иссохшие милые руки твои...
Мне гибельно нынче поется,
И песню угрюмую, видно, двоим
Нам слушать когда-то придется.
В ней будет о том, как не смог окрылить
Я плеч твоих, смятых недугом,
И будет мольба за бессилье простить,
Простишь ли? Хотя бы за кругом?

□

По трутику, по пруту, по лезвию ножа..
Смотрите не додумайтесь на лезвие нажать!
Чтоб мой романс жестокий о том, как одинок,
Вдруг взял да не случился действительно
жесток.

Триолеты

Ну кто сказал, что шутка он?
Кто мог его так обезличить?
Он может вас и возвеличить..
Ну кто сказал, что шутка он?
Ты в нем найдешь и смех, и стон,
Он ни к чему не безразличен.
Ну кто сказал, что шутка он?
Кто мог его так обезличить?

Триолеты

Когда не хватает в чем-то мастерства,
Вы к бронзовой не прибегайте краске.
Спускайтесь в жизнь, как в шахту,
но без каски,
Когда не хватит в чем-то мастерства.
Вы там найдете звуки и слова
И для проклятий, и для доброй сказки.
Когда не хватает в чем-то мастерства,
Вы к бронзовой не прибегайте краске.

✦

А я все жду, надеюсь—позовешь,
Забыв обиды, мелочные ссоры.
Все неприступней между нами горы,—
А я все жду, надеюсь—позовешь.
Других ночами зазывают в рожь
Перепелиной песни переборы..
А я все жду, надеюсь—позовешь,
Забыв обиды, мелочные ссоры.

Когда ты добрым жизнь свою прожил,
Ты дальних предков выполнил веленье.
Оно полно высокого значенья,
Когда ты добрым жизнь свою прожил.
И ни к чему на финише тужить,
За невниманье даять поколенье.
Когда ты добрым жизнь свою прожил,
Ты дальних предков выполнил веленье!

Спешите радовать людей,
Так редко радость им дается,
Оно лишь добрым обернется—
Спешите радовать людей!
Да, нынче рая нет нигде,
Дней для утех не остается.
Спешите радовать людей,
Так редко радость им дается.

В любви зарница первых чувств
Еще не свет, какого жаждем.
Ее, наверно, знает каждый—
В любви зарницу первых чувств.
Ты без нее, как колос пуст,
И все-таки поймешь однажды:
В любви зарница первых чувств
Еще не свет, какого жаждем.

Тебе—не Богу же молюсь я,
Все понимающая Русь.
С тобой и черта не боюсь,
Тебе—не Богу же молюсь я.
Да пусть с любой бедой схлеснусь я,
От бед твоих не отвернусь,
Тебе—не Богу же молюсь я,
Все понимающая Русь.

В одно я верую и верю:
Суть жизни в жизни для других.
И пусть наш быт в контрастах лих,
В одно я верую и верю.
Так хлопай яростнее дверью
В хоробах затхлых, грохай, стих!
В одно я верую и верю:
Суть жизни в жизни для других.

Так оно уж, видимо, от века:
Мертвых мы жалеем, не живых;
Лишь ушедшим памятник и стих.
Так оно уж, видимо, от века.
А вниманье нужно человеку
Не при тленьи в досках гробовых.
Так оно уж, видимо, от века:
Мертвых мы жалеем, не живых.

Эпигонам надо бы погоны
С наименованьем «эпигон».
Сколько их отчаянных кругом—
Эпигонам надо бы погоны.
Ткут стихов километраж догонный,
Повторяя прошлогодний звон.
Эпигонам надо бы погоны
С наименованьем «эпигон».

▼
Взрыв не собрать, как не собрать
Самим рзломанного счастья.
Людское нужно ли участие,
Когда уж счастья не собрать?
Вернуть ли в силах чья-то власть
Любовь, шагнувшую в ненастье?
Взрыв не собрать, как не собрать
Самим разломанного счастья.

О, как позорна монотонность
Бесцельной жизни. Грянь, гроза!
Пустые—сердце и глаза...
О, как позорна монотонность!
Нависла быта многотонность,
Душа сутулая в слезах...
О, как позорна монотонность
Бесцельной жизни. Грянь, гроза!

▼
Дружба—не на лапках задних служба,
Не словес душеприятных фирмиам,
Не уступок, не подачек пошлый хлам.
Дружба — не на лапках задних служба.
Это—броситься на дуло, если нужно,
Это—корка, как и радость пополам.
Дружба—не на лапках задних служба,
Не словес душеприятных фирмиам.

◆
В наш век пророком быть нельзя,
В наш век мятущийся и страшный.
Сравните с завтра день вчерашний...
В наш век пророком быть нельзя!
В года пробитая стезя
Вдруг оказаться может зряшной.
В наш век пророком быть нельзя,
В наш век мятущийся и страшный.

◆
Памяти Джона Леннона,
руководителя группы «Битл»
...Да, в мире талантов немного
И каждый пусть будет храним.
Не надо завидовать им.
Да, в мире талантов не много.
Не падайте в злобе убогой

До мщения им, неземным.
Да, в мире талантов немного
И каждый пусть будет храним.

Чтоб судить о человечестве,
Не ищи к нему ключи,
Сам себя ты изучи,
Чтоб судить о человечестве.
Ведь познания лучи
Освещают все до вечности.
Чтоб судить о человечестве,
Не ищи к нему ключи.

Мы к космосу привыкли, как к земле,
Живем по году в кораблях над бездной
Науке нашей служим безвозмездно.
Мы к космосу привыкли, как к земле.
Нам многое пришлось преодолеть,
Но смерч затрат прошел не бесполезно.
Мы к космосу привыкли, как к земле,
Живем по году в кораблях над бездной.

В любом предмете звук живет,
Умейте только слушать пенье.
Имейте ждать в себе терпенье...
В любом предмете звук живет.
Проникнешь в суть—и он поет,
Воздав за труд и за терпенье.
В любом предмете звук живет,
Умейте только слушать пенье.

Убогий день. Убога ночь.
Идет за годом год убого.
Лежит безадресно дорога.
Убогий день. Убога ночь.
Как выгнать боль из сердца прочь?
Тут надо, знаете, немного...
Но день убог. Убога ночь.
Идет за годом год убого.

Да, вы такая ж, как и все,
И все же, все же вы—другая.
Ведь вам шепчу я: «Дорогая!»,
Хоть вы такая же, как все.
Ваш стан божественный осел,
Но я вас с трона не свергаю.
Да, вы такая же, как все,
И все же, все же вы—другая.

◆
Стихи всегда для нас обман
И нет у них другой задачи.
Вон тот смеется, этот плачет.
Стихи всегда для нас обман.
Вглядишься в строку, она — туман,
А в нем все видится иначе.
Стихи всегда для нас обман,
И нет у них другой задачи.

Сельская красавица

Папа твой экслагерный,
у торговли вертится,
мама сердобольная
крысой на складах.
Потому и ходишь ты,
как весной деревце,
классно разодетая,
проще — в пух и прах.
И ребята местные,
диско - шизофреники,
как собаки страстные
раннею весной,
облачась в варенки то ль,
то ли уж в вареники,
шайкою почтительной
бродят за тобой.
Только ты им, куколька,
интервал отмерила,
чтобы твои прелести
ну того... ни-ни.
Интересно все-таки:
ты во что поверила?
И во что поверили
спутники твои?
Без труда, красавица,
разгляжу дорогу я,
да, твою, и многое
смею угадать.
По годов инерции
замуж тихо выскочишь,
для престижа глупого
будешь все иметь,
нарождаешь множество
граждан механических,
вырастут те граждане
и пойдут в торгсеть.
Круг замкнется начатый
папаю и мамаю.
Разорвать, конечно же,
сроду не возьмусь,
но, гоним сочувствием,
правдой светлой самою,
я когда-о все-таки
на одно решусь:

подойду однажды я
разноцветным вечером
и скажу, двумысленный
разогнав туман:
— Хорошо бы, если бы
ты была заверчена
не в избыток импортный,
лучше бы — ума.

Ночлег

День упал, как селезень подстреленный,
Обагрившись на лету, в камыш.
Одеяло сумерек расстелено
На степную выцветшую тишь.
С ног валит свинцовая усталость,
Хоть бери и падай на стерне.
Но дымит уже морозец шалый,
Значит, надо двигаться к копне.
Вот она под месяцем желтеет,
Словно лисий перед линькой мех.
Все бросаю — «ижевку», трофеи
И карабкаюсь на самый верх.
Я сверлю ногами в ней берлогу,
Хруст соломы приглушен и сух.
Хорошо! Вытягиваю ноги...
Как баюкает ячменный дух!
В голове смешались быль и небыль,
Что сбылось и вовсе не сбылось.
Засыпаю, смутно глянув в небо,
Дробью звезд пробитое насквозь.

Зимний вечер

Молчит остеклянело тишина.
Ее слегка рукою если тронуть,
На бусинки сверкучие она
С шуршанием рассыплется и звоном.
Фонарь глядит сквозь ветви тополей
И на сугробах, временем рискуя,
Гуашью перемерзлую своей
Фигурки непонятные рисует.
Стоят шеренгой реденькой столбы,
Устав чужие разговоры слушать.
К созвездьям самым бледноглубым
Вознесены из кафеля их уши.
Мерцает стынть. Расплывчатый венец
Вокруг луны дымится постоянно,
Но телевизор все же молодец,
Стоит невозмутима и румяна!

Встреча

Осела, улеглась пыльца
Последних междометий,
И вот сидим, как два птенца
Мы под моей повестью.
— Ну как стихи?

— Да, есть напор...
 — Сам пишешь?
 — Нет, забросил...
 Окурком тлеет разговор
 Унылый, словно осень.
 Восторгов прошлых—ни следа,
 Былых страстей—ни знака.
 Цылят куда-то в никуда
 Слова шуршащим шлаком,
 Как в незатворенную дверь
 Вползет в нас ничтожность,
 Змея забытых потерь
 Мы чувствуем, отравя нас
 И полуоткровенность.
 Через абзац оглушит...
 О как бы хорошо сейчас
 Рязанский хор послушать!
 Послушать поле хорошо б..
 Но ты встаешь угрюмый:
 — Ну что ж, пиши, а я пошел.
 Таков наш, значит, юмор.
 Я в унисон ему:—Таков,
 Брат, юмор нынче, значит,
 ...Не смог ты прыгнуть высоко.
 И я с тобою плачу.
 Строчке служить—не славу пить
 Ковшом, как «бормотуху»,
 А это—бить и битым быть,
 Быть братом оплеухам;
 А это—будущность творить
 И, выдавая перлы,
 До гробового теса слыть
 Своей работе верным..
 Гляжу в окно. По голубой
 Траве, по синим лужам
 Уходишь ты, а за тобой
 Чахоточная Муза.

Уходят из сада последние желтые листья,
 Уходят куда-то, по синему ветру скользя,
 Вот так же уходят из жизни дорогою
 Хорошие просто и лучшие наши друзья.
 Уходят порой и нелепо, и глупо, и рано,
 Уходят, оставив в наследство и правду,
 Уходят, кто пулей, кто словом,
 Им руку, как прежде, уже никогда не пожмешь.
 Уже не сойдешься за долгой душевной
 И над столом не качнется дымок сигаретный.
 Друг другу уже никогда мы не выскажем беды.
 И не поставим свою откровенность на кон.

Осенняя песенка шофера

Асфальт гудками припорошен,
А дух с полей такой хороший
В душе рождает не нарочно
С тупой усталостью разлад.
Мерцают фары муравьино
И день, что был такой предлинный,
На ниве охровой целинной
Смешал с сиреневым закат.
Кустами вспыхнули совхозы,
В ночи цветут, как те мимозы
(А подзатасканней—как розы),
Крутом моторов голоса.
И будто зернами пшеницы
Зарей—заботливой девицей—
В светила убраны—не мнится—
На загляденье небеса.
Брат по баранке и подельник,
Давай не будем понедельник,
Но только так, не как бездельник,
От воскресенья отличать,
И людям в дом вернем достаток,
Чтоб зацвела, как мак, космато
В нем радость, зная когда-то,
И к жизни тяги благодать.

—Мужики, чего взгрутнулось?
С сигаретой в круг сажусь.
—Как чего? Дык вот вернулась
Вновь некрасовская Русь...

Домашний гусь
тяжелый, неуклюжий
бродил, топтался
целый день по лужам.
Но голос вдруг
любимицы-гусыни
услышал и помчал по сини
воды весенней,
крылья поднатужил
и вот летит он,
отражаясь в лужах!
О, как потом—
пусть пролетел и мало—
в крови гусиной
радость клокотала!
Он гоготал,
вытягивая шею,
над той гусыней,
над судьбой своею.
..Скажи, а нам
для счастья много надо?
Да, ты права:
рвануться за ограду

и среди лета,
чуда-травоплета,
хотя б три метра
ощутить полета!..

□

Печален сад, Печальная листва
Звенит у ног напевно и багряно.
Как тонок он и уловим едва
От яблонь запах памятно-медвяный!
Пустынен сад. В нем царствует покой.
Но что за праздник на тебя нагрянет,
Когда из листьев, смешанных с травой,
Последний плод антоновки вдруг глянет!
Какой в тебе вдруг явится поэт!
Каким вдруг хлынут чувства стихопадом!
..Не так ли мы, ущербность видя лет,
Любви шальной приветствуем отраду?
Мы от ее прикосновенья вдруг,
Как этот сад, становимся печальны,
Восторженны, как в детстве дальнем
И не переносящими разлук.
Пусть даже кратким был ее привет,
Мы ей бываем благодарны свято
За то, что поздний уронила свет
На тропку, уводящую к закату.

□

Оглушительно черемуха цветет
И тихонечко по вечеру плывет,
Чуть покачивая кистей белизну,
Уплывает, словно яхта, в тишину,
Мимо дома и синеющей скамьи
Лепестки проносит нежные свои,
За калитку мимо сада и меня,
Будто знает средь сгорающего дня,
Что и сам я без единственной без той
Догораю почерневшею душой,
Догораю наподобие свечи..
Ну-ка, милая, листвою взлепечи!
И прошу тебя я очень, доплыви
По дыханью моему и по любви
До единственной до женщины до той,
Что была мне и отрадой и судьбой
И на холмик, что горбатится над ней,
Ты цветы свои с тоской моей пролей..

Элегины

(пародийные этюды)

1. Философская

Как много в мире разного всего!
Пыль, авторучки, облака-изгой...
Но удивлен я более всего
Своею собственной ногою.
Нога.. Ее я вечером разул
(В углу ботинок, как губами, шлепнул),
Но и тогда, помытая в тазу,
Она осталась—вы представьте!—теплой.
«Что если ей скомандовать: загнись!»,—
Подумал я и тут же улыбнулся:
Четыре пальца потянуло вниз,
Большой же вверх немедленно загнулся.
И это все без приложенья рук!
Я поражен! Я потрясен! Раздавлен!
А что, как в нас помимо мозга вдруг
Еще есть что-то? Знаете, забавно...
А что?

2. Употребительская

Вчера я выпил водки килограмм,
И чепуха, что на карачках ползал,
Мне интересно: а Омар Хайям
Смог устоять бы от подобной дозы?

3. Лирическая

Когда устану от стихов
Сильней, чем мой сосед в котельной,
Пойду бродить до петухов
В снегах, очерченных пастелью.
Уж скоро шесть. Вот гавкнул пес
С надрывом, хрипло, некрасиво.
Его, наверно, средь волос
Блоха проснувшись, укусила.
Вот от колодца бабы тень
Пошла, так ловко вскинув ведра.
Но жаль: не видно в темноте,
Как у нее качнулись бедра...

4. Дорожная

Перегоны, перегоны...
Светофора сочный свет
Пролетает над вагоном,
А в вагоне—места нет.
В нем такая уйма люда,
Что шагов не сделать двух.
Пассажиры сонным гудом
Раздражают слух и нюх.

На вокзалах—что ты купишь?
«Хвост»—и «Примы» не достать,
Ну, а если что-то купишь,
Будешь поезд догонять.
Боже мой, куда он скачет
Этот взвинченный народ?
Я бы сделал все иначе,
То есть, сделал так бы вот:
Посадил бы всех в машины
(Где он, кадровый вопрос?)
И без всякой матерщины
По-транзитному— в совхоз.
Эти путники пахали б,
Да и сеяли б—ого!
Я бы славил их стихами.
Ну и больше ничего.

5 Армейская

Протрубили отбой. Стало тихо в казарме,
Сон туманом осел на усталых ребят.
Я лежу с растворенными настель глазами
И стараюсь припомнить, родная, тебя,
Сын, наверно, подрос, он, наверно, курганы
С одноклассниками босыми все обежал,
Я ему привезу много гильз от нагана,
Но нельзя мне с границы пока уезжать.
Я не знаю, когда отпуск мне подвернется,
Только ты не грусти и настойчиво жди,
Если даже метель в стальной печке смеется
Или желтые лупят по окнам дожди.
А пока.., если мне затоскуется страшно,
Увольнение возьму и подамся в обход
Патрулей

к черноглазой знакомой Наташе,
Что на Пушкина, 5 одиноко живет.

Содержание

Пунктиры	3
Пролог	4
«Утром, когда...»	4
«Скульптор В. Мухина...»	5
Первый снег	5
Трудная нива (отрывок из поэмы)	6
«Все упрощается к концу...»	8
«Не пишите к стихам заголовков...»	8
Станция Биянка	8
«То письменно плачут, то устно...»	9
«Все обильней с каждым утром росы...»	9
«Когда ошалею от быта...»	10
«Как таинственна округа...»	10
«О, как мы расточительно-просты...»	11
Ливень	12
«В наветах весь...»	12
Стихи белые	13
Стихи скептические	13
Стихи печальные	14
Стихи цветные	14
«Благодать! Прогнали стадо...»	15
«Будут перемены на Руси...»	15
«Я люблю деревенских поэтов...»	16
«... И вот я газет получаю орду...»	16
«Отбесилась, отплясалась вьюга...»	16
Мимо кладбища	17
Вязь	18
«Сквозь пики рогоза...»	22
«Еще утрами зори серые...»	23
«Время что-то перешло на крик...»	23
«В саду бесприютном...»	23
«За окошком черные деревья...»	24
Молитва	24
В Ольгинке	25
Размышления после одного телерепортажа	27
Мой поселок степной	28
«Ах, какое чудо это — водка!»	28
«Падал ласковый снег...»	28
«Я вернусь в убогое жилье...»	29
Вечернее	29
Возвращение с охоты	30
«В плену стерильных простыней...»	30
«О, как, бедняги, бьемся мы...»	30
1969-й. Фрагмент	31
«Тощий месяц в небе горбится...»	31
Сыну	32
«Скользит история, скользит...»	32
«Как медленно отходит карагач...»	33
Ковыль	33
Старая яблоня	33
«Сумасшедших сколько на Руси?»	34
Крушина	34
Последняя метель	35
Елки	35

Вступление к поэме	36
«Мне так хотелось бы побыть...»	36
На мотив «Черной шали»	37
Илийский триптих	37
«Откуда начинается дорога?»	38
«Жизнь такая—совсем не до смеха...»	39
Ночное купание	39
В минуту слабости	40
«О, как же я тебя любил...»	40
Утренний экспромт	41
«Ой ты, Ваня Калита...»	41
Теленок	42
«Мне кажется порой...»	42
«Что кривить? У Фета...»	42
К двум портретам	43
«Тихой-тихой синеею полуночью...»	43
Март	44
Сашка—«хомут»	44
Черта	45
Поэтам России	46
«У вас утра такие были...»	46
Ночная сказка	47
«Вы видели, как облако рождается?..»	47
«Трудно быть, ты жалуешься, нежным...»	48
«На лицо свое гляжу...»	48
Дождь прошел	48
«Как хорошо, что я живу в деревне...»	49
«Разгулялись ансамбли лохматые...»	49
Вечерняя песенка	50
«За оградой синего дождя...»	50
«Поэзия что?»	51
«Вот гляжу на воду...»	51
Осина	52
Читая старые газеты	52
«В кругу людей почти серьезных...»	53
К выходу сборников «Барьер» и «Горький ветер»	53
Художники	53
«Любимая, конец. Я прекращаю...»	54
«Все спилось и закурилось...»	54
«Дорога к больнице...»	55
«Ты говоришь: два сердца—солнца...»	55
«Нет, не получилось, как хотелось...»	55
«Ну как мне тебя, подскажи, окрылит...»	55
«По прутику, по прутику...»	56
Триолеты	56
Сельская красавица	60
Ночлег	61
Зимний вечер	61
Встреча	61
«Уходят из сада...»	62
«Что за страсть, скажи, повальная?..»	63
«За стеною вой и мгла...»	63
Осенняя песенка шофера	64

«Мужики, чего взгрустнулось?»	64
«Домашний гусь, тяжелый...»	64
«Печален сад. Печальная листва...»	65
«Оглушительно черемуха цветет...»	65
Элегины (пародийные этюды)	66

●
ПОЛЯКОВ
Юрий Петрович
●

Редактор В. Синенко
Корректор Н. Марченко
Оформление В. Розума

Сдано в набор 16.06.92 г. Подписано в печать 28.07.92 г.
Формат 120 x 90. Гарнитура ново-газетная п-ж. Уч.-изд. листов 5.
Заказ № 394, Цена свободная.

Отпечатано в Тимирязевской типографии Северо-Казахстанского

ПО «Полиграфия».